

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС РОКОВОЙ ВЫБОР

В мире продано
более **50 миллионов**
экземпляров книг
Питера Джеймса!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Питер Джеймс
Роковой выбор

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Роковой выбор / П. Джеймс — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-16563-2

Супружеская жизнь Джона и Сьюзен Картер кажется счастливой. Они любят друг друга и свой прекрасный лондонский дом, им есть о чем поговорить, не обсуждается лишь одна тема – это дети. Детей у Картеров нет и не будет. Так решил Джон – ведь у него есть на это особое право, – а преданная жена поддержала его, глубоко затаив разочарование и боль. Но внезапно, по необъяснимым причинам, рушится их финансовое благополучие. Ситуация угрожает потерей дома, Картеры в отчаянии, но в этот момент на горизонте появляется таинственный незнакомец и предлагает помощь в обмен на... ребенка. Суррогатное материнство не пугает Сьюзен, напротив, эта перспектива кажется ей по-своему привлекательной, Джон готов потерпеть каких-нибудь девять месяцев, и супруги принимают предложение странного благодетеля, не подозревая, что с этого дня стали орудием неких неведомых сил. Ранее роман издавался под названием «Антихрист».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16563-2

© Джеймс П., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Пролог	6
1	9
2	12
3	16
4	19
5	22
6	26
7	31
8	38
9	41
10	45
11	50
12	57
13	60
14	62
15	65
16	70
17	73
18	76
19	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Питер Джеймс Роковой выбор

Peter James
THE TRUTH

Copyright © Peter James/Really Scary Books Ltd, 1997
All rights reserved
First published in 1997 by Orion, London

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского А. Белоруссова
Серийное оформление В. Пожидаева
Оформление обложки И. Кучмы

© Перевод. ООО «Центрполиграф», 2008
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Джону Терли,
который указал мне путь, поделился своим энтузиазмом, подарил
надежду и, что превыше всего, веру*

Пролог

Кладбище на территории Голливудского мемориального парка, Лос-Анджелес, 1996 год

Не меркнувшее даже ночью зарево городских огней освещает кладбище сильнее, чем предпочли бы трое находящиеся на нем мужчин. Они надеялись на полную темноту, но попали в неоновые сумерки.

У одного из мужчин в руках портфель и ксерокопия факса, у второго – фонарь, у третьего – две лопаты, аккуратно связанные вместе. Мужчины знают, что не имеют права здесь находиться, и поэтому нервничают. Они представляли себе предстоящее дело совершенно по-другому, но все получилось против их ожиданий. Человек с портфелем умнее своих подельников, и он понимает, что никогда и ничего не происходит точь-в-точь так, как планировалось.

Они проделали долгий путь. Кладбище их пугает. Мысль о том, что им предстоит сделать здесь, пугает их еще больше, но и этот страх не идет ни в какое сравнение с тем ужасом, который они испытывают при воспоминании о человеке, который послал их сюда.

Двое из них никогда не видели этого человека – они только слышали о нем от других, но слышали такое, чего не расскажешь детям на ночь. Мысли об этом скачут в голове, придавая такую решимость, какой не доводилось испытывать за всю жизнь. Авантюристы словно плывут на шатком плоту по стремнине, и этот плот называется «Страх неудачи».

Луч фонаря упирается в надгробный камень, сметает с него мрак, словно древнюю пыль. Появляются высеченные на камне слова: имя, дата рождения и смерти. Старая могила. Не то. Они идут по кладбищу дальше, минуют купу деревьев и небольшой искусственный холм.

Еще один надгробный камень. Опять не тот. Они останавливаются, сверяются с нечетким факсом. Осматриваются, видят мраморные обелиски, ониксовых херувимов, гранитные надгробные плиты, порфиновые урны, высеченные в камне слова прощания, цитаты, поэтические строки. Они не большие любители поэзии, и бессмертные строки не достигают их сквозь мрак.

– Мы не на том ряду, идиоты. Нам нужен следующий. Смотрите, тут же ясно видно, что надо пройти три ряда. Мы прошли только два.

Они находят нужный ряд. Находят нужную могилу.

АННА КАТЕРИНА РОУЗВЕЛЛ

1892–1993

Горячо любимой жене и матери

Говоривший вновь заглядывает в факс, с трудом разбирает смазанные буквы, еще раз читает надпись на надгробном камне. Он действует методично, наконец кивком подает сигнал.

Остальные двое осторожно надрезают дерн и скатывают его, словно ковер. Затем они начинают копать. Человек с факсом стоит на страже. Он прислушивается к глухому стуку откидываемой лопатами земли, к шуму автомобильного движения на бульваре Сансет, присматривается к теням. Свидетели тут совершенно ни к чему. Ночь теплая. Почва сухая, она имеет текстуру старых костей, рассыпавшихся в прах.

Лопата взвизгивает, наткнувшись на камень. В темноте звучит ругательство сквозь зубы. Через некоторое время работа ненадолго прерывается, и гробокопатели пьют воду из фляги.

Их работа продолжается почти три часа, и наконец крышка гроба полностью освобождена от земли. Гроб в хорошем состоянии, кое-где на нем еще держится лак, а палисандровое дерево даже не начало гнить. Это дорогая модель, на гроб пошло дерево, росшее в тропическом лесу.

Стоящие на крышке гроба мужчины откладывают лопаты, получают от своего начальника по нейлоновому шнуру с защелкивающимся карабином на конце и пристегивают каждый к торцевым ручкам гроба. Затем они вылезают из разрытой могилы и разминают натруженные спины. У одного лопнула на ладони мозоль, и он обматывает кисть носовым платком.

Даже усилиями всех троих гроб поднимается из земли с трудом и только через несколько минут отчаянной борьбы оказывается на поверхности. Человек с перевязанной рукой явно полностью выдохся и садится на землю. Они опять пьют воду, беспокойно всматриваясь в окружающую темноту. Мимо пробегают и исчезают во мраке мышь.

Теперь, когда первая, самая длительная часть работы сделана, они уже не так спешат. Сгрудились вокруг гроба, смотрят на него, переглядываются. Каждый пытается представить, как может выглядеть труп, пробывший в земле три года.

Они выворачивают шурупы, крепящие крышку к гробу, и отдают их начальнику, который предусмотрительно складывает их в карман. Возникает пауза, затем мужчины берутся за крышку и пытаются сдвинуть ее с места. Она не поддается. Они тянут сильнее. Слышится резкий громкий скрип, и крышка приподнимается на несколько дюймов с одного конца.

Гробокопатели одновременно бросают крышку и отшатываются от гроба.

– Господи боже! – шепчет тот, у которого перевязана рука.

Вонь. Они не ожидали такой вони. Будто из канализационного отстойника.

Они отходят еще дальше от гроба, но вонь окружает их, будто вся ночь успела пропахнуть ею. Того, что пришел с фонарем, скручивает спазм, но он сдерживается и сглатывает рвоту. Все трое стараются держаться от гроба как можно дальше.

Наконец запах ослабеваает настолько, что можно вернуться к могиле. На этот раз перед тем, как поднять крышку, мужчины делают несколько глубоких вдохов.

Внутри гроб обит стеганым атласом – белым, цвета смерти. Волосы старухи тоже белые. Они тонкие, голова будто в облаке. Хотя они того же цвета, что и атлас, в них нет блеска, который присущ атласу. Лицо старухи бурого цвета, будто старая потертая кожа. Кое-где плоть расплзлась, обнажив лицевые кости. Хорошо видны зубы – блестящие, будто их только что почистили. За то, что она относительно хорошо сохранилась, нужно благодарить дорогой гроб и сухой калифорнийский климат, – пролежав три года в более влажной почве и менее качественном гробу, она выглядела бы гораздо хуже.

Запах уже не такой сильный, он растворился в свежем ночном воздухе. Человек с факсом смотрит на часы. У них осталось чуть меньше трех часов до рассвета. Он читает указания, написанные в нижней части листка, несмотря на то что думал о них днем и ночью всю прошлую неделю и выучил наизусть.

Он открывает портфель, вынимает из него ножницы, скальпель, обвалочный нож и маленький ящичек-холодильник. Работая уверенно и быстро, он отхватывает ножницами прядь волос, вырезает из груди старухи квадратный участок плоти, ампутирует указательный палец правой руки. Из отрезанного пальца не вытекает ни капли жидкости – он тверд и сух, словно отпавший от дерева сучок. Человек кладет каждый трофей в особое отделение ящичка, еще раз сверяется с факсом, мысленно ставя галочку против каждого пункта указаний.

Гроб закрывают крышкой и прикручивают ее шурупами, затем опускают гроб в могилу и начинают забрасывать ее землей. Работа идет легче и быстрее, чем при выкапывании гроба. Но не так быстро и легко, как им бы хотелось.

Утром мимо могилы проходит один из сторожей. Он не замечает ничего подозрительного. Работа выполнена чисто.

1

– Здесь нет гаража, – сказал Джон.

– Я могу это пережить. У многих домов в Лондоне есть гараж?

Джон кивнул. Может, она права и это не так уж важно.

– Мне нравится. А тебе?

Джон рассеянно посмотрел на знак «Продается», перевел взгляд на листок с описанием, который он держал в руке, и вернулся к осмотру крыльца с колоннами, казавшегося слишком большим даже для такого дома, увитых плющом и клематисом стен из красного кирпича и башенки. Башенка нравилась ему больше всего.

В детстве Джон мечтал стать архитектором, и если бы жил в прошлом веке, то спроектировал бы именно такой дом. Оригинальный стиль, три этажа, викторианская терраса из красного кирпича, башенка, которая сообщала дому вид одновременно величественный и эксцентричный. Он единственный на всей улице стоял немного в стороне, нарушая общий порядок.

Агент по продаже недвижимости, которого звали Даррен Моррис и который, по мнению Джона, обладал интеллектом и манерами двенадцатилетнего ребенка, описывал вокруг клиентов замысловатые круги и, чавкая, жевал жвачку. Из-за этого чавканья, прямой челки, сутулой спины и кривых ног он был похож на неандертальца. Он выглядел так, будто опаздывал куда-то, и всеми силами старался показать, что клиенты отрывают его от гораздо более ответственной встречи. Джон зашел ему за спину и, взяв листок с описанием дома в зубы, изобразил гориллу, скребущую подмышки.

Сьюзен отвела глаза в сторону, но не смогла сдержать улыбки. Агент по продаже недвижимости обернулся, но увидел только, что Джон сосредоточенно и внимательно изучает архитектуру дома.

– Сад с южной стороны, – сказал Даррен Моррис. Он поделился этими ценными сведениями уже в третий или четвертый раз.

Джон не обратил на него никакого внимания. Он молча смотрел на дом и вспоминал, каков тот изнутри.

Солнечный свет, струящийся сквозь стекло эркера в гостиную. Редкое сочетание простора и уюта. Чудесные комнаты с высокими потолками. Столовая, в которой легко можно было бы устроить обед на двенадцать персон (не то чтобы они когда-нибудь принимали так много, но кто знает?). Прилегающая к ней маленькая комнатка с видом на сад, в которой Сьюзен устроила бы рабочий кабинет для своих занятий. Подвал, где можно установить стеллажи и хранить вино...

Джон снова посмотрел на башенку. Ее прорезал сплошной пояс окон, позволяющий находящемуся в ней человеку видеть любую сторону света. Это была бы прекрасная спальня. На первом и втором этаже дома было еще четыре комнаты. Одну из них он занял бы под свой кабинет, остальные они превратили бы в запасные спальни и комнаты для гостей. Еще был чердак, но они на него еще не поднимались.

– Мне очень нравится сад, – сказала Сьюзен. – В Лондоне мало таких больших садов.

Джону тоже понравилось: сад был тихий, уединенный, а за оградой простирался красивый парк с теннисными кортами, прудом и целыми акрами газонов, трава на которых этим утром искрилась инеем. Однако дом требовал немалых вложений, и это заставляло Джона задумываться о целесообразности покупки. Крыша выглядела неважно, так же как электропроводка и канализация с водопроводом. Бог знает, что еще вылезет наружу, – дом ведь очень старый. Запрашиваемая за него сумма была очень крупной, а вместе с затратами на ремонт она может стать совсем уж непомерной.

Башенка снова привлекла внимание Джона. Он не мог оторвать от нее глаз. Ему вдруг подумалось, что он всегда хотел жить в доме с башенкой. Но дело было не только в ней. Едва переступив порог, он почувствовал, что мог бы провести в этом доме остаток жизни. Спору нет, в нем есть величие, но есть также и некоторая раскованность, элегантность, стильность. Сюда не стыдно будет приглашать клиентов. Это место станет его визитной карточкой.

Но здесь нет гаража.

Неожиданно для самого себя Джон, который всю жизнь хотел иметь дом с гаражом, подумал, что он не так уж необходим. Во дворе дома есть бетонированный пяточок, размером как раз на одну машину. И на улице можно припарковаться – где-нибудь между деревьями, чтобы никому не мешать. Здесь тихо, спокойно, сюда не доносится шум с лондонских дорог. Оазис.

Он подумал о том, как будет заниматься со Сьюзен любовью в спальне, расположенной в башенке, а летом, которое не за горами, – в саду, под теплыми лучами солнца. Сейчас конец февраля, и к началу лета они точно переедут сюда.

– Мне нравится, – сказал Джон.

– Я люблю тебя, – сказала Сьюзен и обняла его. – Я люблю тебя больше всего на свете.

Она с обожанием взглянула на дом и прижалась к Джону еще крепче. Она смотрела на Англию своей мечты. Этот дом воплощал в себе все старые английские дома из прочитанных ею книг – Диккенса, Тrolлопа, Остин, Гарди, Теккерея, Форстера, Грина. Одно за другим в ее голове проносились описания элегантных лондонских и поместных особняков.

Сьюзен выросла в Калифорнии и в детстве, проведенном в основном за книгами, часто представляла себя героиней английских романов, устраивающей у себя прием, на который собирается элегантное, утонченное общество, или посещающей какой-нибудь аристократический дом, где о ее приходе объявляет дворецкий, или просто идущей под дождем по лондонским улицам.

– Я тоже тебя люблю, – ответил Джон.

Агент по продаже недвижимости кружил возле своей машины. Он в который раз посмотрел на часы и засунул руки в карманы. Каждый, кто увидит этот дом, тут же начинает сходить по нему с ума, говорит, что непременно купит его, – да только никто никогда не покупает, из-за ужасающего двадцатидевятистраничного списка неисправностей. Это да еще высокая цена, притом что владельцы дома не желают торговаться, отпугивают всех клиентов.

Даррен Моррис пригляделся к паре повнимательнее, пытаясь оценить их. Сьюзен Картер, судя по акценту, была американкой, под тридцать, модно подстриженные рыжие волосы до плеч, длинное верблюжье пальто, джинсы, ботинки. Она напоминала Моррису актрису, только он не мог припомнить, как ее зовут. Через минуту умственных усилий его озарило: Сигурни Уивер. Да, та же самая смесь красоты и мужской манеры себя вести. И может быть, немного есть в ней от Скалли из «Секретных материалов». Точно. Взглянув на женщину еще раз, Моррис подумал, что она даже больше похожа на Скалли, чем на Сигурни Уивер.

Джона Картера Моррис счел англичанином. Он был чуть старше своей жены – от тридцати до тридцати пяти. Одет со вкусом: длинное твидовое пальто, костюм от «Босс», зимние туфли с пряжками. Скорее всего, телевизионщик или рекламщик. Прямые черные волосы, красивое холеное лицо, немного мальчишеское, но решительное, – наверное, в твердости характера этому парню не откажешь. Моррис посмотрел на его черный «БМВ М3». Ни пятнышка, так и сверкает лаком. Отлично дополняет образ мистера Картера. Мистер Картер Само Совершенство. Удивительно, что на машине не персонализированный номерной знак, а обычный, и судя по нему, ей уже четыре года. Пижонская колымага.

Не отрываясь от Джона, Сьюзен тихо спросила, выпустив изо рта облачко пара:

– Мы можем его себе позволить?

– Нет. Скорее всего, не можем.

Она чуть отстранилась и посмотрела на него. В свете утреннего солнца ее глаза были синими, как лазурит. В эти глаза Джон влюбился семь с половиной лет назад и не переставал любить их по сей день. Она улыбнулась:

– И?..

Предыдущие владельцы уехали из Англии. Дом пустовал, а они продолжали платить за него налоги. Может, они снизят цену, если пообещать им быстро оформить все документы?

Джон улыбнулся и ничего не ответил. Покупка этого дома – безрассудный поступок, но разве мало он совершал в жизни безрассудных поступков?

2

Человек, которого боялись столь многие, с видом важного вельможи сидел в своем кабинете.

Породистое лицо этого господина с годами стало изможденным, но все же сохранило тот особый нежный оттенок, который присущ только представителям знати. Его серым глазам, пронизательным и ироничным, не нужны были ни очки, ни контактные линзы. Его темно-русые волосы, пронизанные элегантными седыми прядями, были зачесаны с висков назад.

Его костюм был сшит на Сэвил-роу, по зеленому шелковому галстуку бежали крылатые кони; черные ботинки, скрытые сейчас от глаз письменным столом, блестели, словно зеркало. Его длинные тонкие пальцы с прекрасным маникюром перелистывали компьютерную распечатку. Вся его фигура излучала уверенность. Ему можно было дать от силы пятьдесят пять лет.

Его звали Эмиль Сароцини.

Он был живой легендой. Он вращался в высших кругах послевоенного общества – в основном на Французской Ривьере, проводя время в увеселениях на яхте семьи Докер в Каннах, обедая с Бардо в Сен-Тропе, завтракая с семейством Гримальди в Монако; или в США, где он принимал в своем доме таких звезд, как Мэнсфилд и Монро, и где его самого принимали в аристократических семьях Вандербильт, Рокфеллер и Меллон. Ходили слухи, будто сам Уорхол написал для него целую серию картин, которая, по распоряжению мистера Сароцини, никогда не была показана публике. Поговаривали также, что в Англии, для того чтобы отмежевать его от скандала Профьюмо, понадобилось влияние Асторов.

Некоторые рассказы об Эмиле Сароцини вызывали недоверие, а от иных и вовсе мороз продирали по коже. Были и истории, которые никогда не рассказывались, потому что у мистера Сароцини везде есть уши, а любая нелояльность карается самым жестким образом.

Каждая мелочь, касавшаяся мистера Сароцини, была окружена роем сплетен и домыслов. Это относилось и к его истинному возрасту, который для одних был поводом для горячего спора, а для других – зловещей тайной.

Все работающие на мистера Сароцини были в той или иной мере заинтригованы его личностью и фактами биографии. Словно магнит, он то притягивал их, то отталкивал, в зависимости от того, каким полюсом обращался в их сторону. Интрига, тайна и домысел – эти три тени сопровождали мистера Сароцини в течение всей жизни. Очень немногим людям посчастливилось не подпасть под его влияние.

Тот, кто сейчас нес мистеру Сароцини ожидаемую им информацию, знал о нем больше, чем любой другой живущий на земле человек, и поэтому боялся его сильнее, чем все прочие.

Кунц открыл двойные филенчатые двери и вошел в секретарскую. Секретарша была стражем кабинета мистера Сароцини. Немногим избранным удавалось добраться до ее приемной. Но на Кунца секретарша даже не взглянула.

Через открытые двери кабинета был виден сам мистер Сароцини, статичная фигура которого напоминала статую египетского бога в главном зале храма. Большая часть кабинета была погружена во тьму. Единственное пятно света, источником которого служила настольная лампа, выхватывало из полумрака аккуратную стопку бумаг, записную книжку в кожаном переплете и часть поверхности стола. В кабинете было большое окно, но жалюзи на нем предусмотрительно опустили, чтобы в помещение не проник яркий свет утреннего солнца.

Кунц был высокого роста – шесть футов шесть дюймов, – у него были широкие плечи квотербека, грубо вылепленное лицо боксера, короткая стрижка. Как и всегда, он был одет в неброский костюм-двойку, на этот раз темно-синего цвета. И как всегда, он тщательно завязал галстук идеально ровным узлом и начистил туфли до зеркального блеска. Все его костюмы шил портной мистера Сароцини, но, несмотря на дорогой материал и качество пошива, Кунц

никогда не чувствовал себя в них совершенно свободно. Посторонний человек принял бы его за вышибалу, работающего в ночном клубе, или за военного в увольнении, надевшего гражданскую одежду с чужого плеча.

На пороге кабинета Кунц нервно сглотнул, поправил узел галстука, бросил взгляд на туфли, застегнул на все пуговицы пиджак. Он знал, что по части внешнего вида он подводит мистера Сароцини, но во всем остальном – в учении, в выполнении поручений и приказаний своего учителя – он был на высоте. И Кунц гордился этим.

Мистер Сароцини дал ему все, он сделал из него человека, но Кунц знал, что он с такой же легкостью может отнять у него все пожалованное ему. Осознание этого усиливало огромный страх, который испытывал Кунц перед хозяином, и подпитывало его рабскую преданность.

– Ну? – произнес мистер Сароцини и выжидающе улыбнулся.

Кунц подошел к столу. Улыбка мистера Сароцини успокоила Кунца, и он почувствовал к нему такую огромную любовь, что захотел обнять его, как отца. Но это было невозможно. Много лет назад мистер Сароцини запретил ему выражать свою любовь посредством физического прикосновения. Поэтому Кунц протянул через стол конверт и выпрямился, демонстрируя внимание.

– Ты можешь сесть, Стефан, – сказал мистер Сароцини.

Он распечатал конверт и немедленно погрузился в изучение его содержимого.

Кунц с прямой спиной сел на краешек стула, когда-то принадлежавшего оттоманскому принцу – его имя Стефан забыл. В кабинете мистера Сароцини было много ценностей и старинных вещей, но здесь присутствовало и кое-что, чего не создать искусственно ни с помощью денег, ни с помощью обстановки, – запах власти и силы, источаемый этой комнатой.

Кунц чувствовал себя как Алиса, попавшая в мир, где все вокруг непривычно большое. Его подавлял немислимых размеров стол, огромные шкафы, выстроившиеся вдоль одной стены, картины размером с небоскреб, висевшие на другой, скульптуры, бюсты и статуэтки, бросающие на него высокомерные взгляды, ряды облеченных в кожу томов, презирающих всякого, кто менее начитан, чем их владелец. Он перевел взгляд на мистера Сароцини.

По его лицу ничего нельзя было определить.

В кабинете висел застарелый запах табачного дыма, но единственная стеклянная пепельница на столе мистера Сароцини была чистой. Кунц знал, что мистер Сароцини, который никогда не изменял устоявшимся привычкам, уже выкурил свою первую за день «Монтекристо» и не зажжет следующей сигары еще в течение часа.

Мистер Сароцини держал в тонких, опущенных с тыльной стороны мягкими волосками пальцах небольшой документ, состоящий всего из шести страниц. Он дочитал документ до конца, затем лицо его стало жестким, выражая неудовольствие.

– И что я должен с этим сделать, Стефан?

Такой вопрос застал Кунца врасплох, хотя он, служа у мистера Сароцини много лет, знал, что ожидаемые им ответы часто не подразумевают прямого реагирования, а связаны с вопросом более сложным образом. Поэтому он тщательно обдумал ответ, как много лет назад учил его сам мистер Сароцини, и сказал:

– Возможности неограниченны.

Лицо мистера Сароцини исказилось и выразило почти что ярость. Это испугало и смутило Кунца.

– Это список покупок, Стефан. Посмотри, что здесь написано: «Двенадцать булочек, два литра снятого молока, масло, курага, салями». Зачем ты дал мне это?

Мысли Кунца лихорадочно метались. Это просто невозможно. Он не мог... он не мог ошибиться! Откуда взялся этот список покупок? Документ был передан ему профессором-генетиком, крупным специалистом в своей области. Может, этот ученый идиот дал ему список покупок вместо документа?

Нет, это невозможно. Он проверил его несколько раз.

Выражение ярости на лице мистера Сароцини померкло, его сменила спокойная улыбка.

– Стефан, не волнуйся так. Это была шутка. Ты должен научиться правильно воспринимать шутки.

Кунц настороженно смотрел на хозяина. Он был в замешательстве и не знал, что следует дальше.

– Хорошие новости, – сказал мистер Сароцини и постучал пальцем по лежащему на столе документу. – Очень хорошие.

Кунц постарался скрыть охватившее его облегчение – за многие годы он усвоил, что никогда не следует показывать мистеру Сароцини свою слабость. А благодарность – это слабость. Он с самого начала должен был знать, что с документом все в порядке. Его реакции не требовалось. Служба у мистера Сароцини была для него одним непрекращающимся уроком – уроком длиной почти в целую жизнь.

Чтобы не выдать своих чувств, он отвел глаза от лица хозяина и стал смотреть на мягкий ворс персидского ковра. Какой сложный узор. В каждый персидский ковер заткан какой-либо сюжет, но Кунцу не хватало знаний определить, какой он у этого ковра. Он подумал о Клодии, сосредоточился на ней. Интересно, сегодня ночью она позволит ему связать себя и выпороть? Он решил, что спросит ее разрешения, но, если она скажет «нет», все равно свяжет и выпорет.

Он чувствовал ее аромат, оставшийся на его коже. Он подумал о ее стриженном лобке, и страх перед мистером Сароцини сменился сексуальным возбуждением. Затем страх вернулся.

Он посмотрел на картину, висящую на стене за спиной мистера Сароцини: современная работа, абстрактная живопись. Кунц ничего не смыслил в абстрактной живописи и не мог определить, хорошая эта картина или плохая, однако он был уверен, что она стоит огромных денег и имеет особую значимость в мире искусства – иначе ее просто не было бы в этой комнате. Течение его мыслей прервал голос мистера Сароцини. Его хозяин изъяснялся, как обычно, на безукоризненном немецком языке, хотя Кунцу было известно, что немецкий язык ему не родной.

– Это потребовало тридцати лет работы. Именно столько мы искали. Тридцать лет. Ты понимаешь, как это важно для нас?

Кунц понимал, но предпочел промолчать.

– Нет ли у тебя слабости, Стефан?

Кунц удивился вопросу. Он помедлил, прежде чем ответить, прекрасно понимая, что мистера Сароцини невозможно обмануть.

– У каждого человека есть слабость. Это Двадцатая истина.

Мистер Сароцини, похоже, был удовлетворен ответом. Он выдвинул ящик стола, вынул из него конверт и отдал его Кунцу.

В конверте были фотографии мужчины и женщины. Мужчине на фотографиях было лет тридцать пять. Эффектный брюнет с мальчишеским лицом. Женщина выглядела на несколько лет моложе. Рыжие волосы до плеч, ровно подстриженные. Красивая, современная.

На другой фотографии она была в топе на бретелях и короткой юбке. У нее были потрясающие ноги, стройные, может быть, чуточку излишне мускулистые. Кунц осознал, что они возбуждают его. Грудь под топом выглядела упругой и тоже возбуждала его. Он спросил себя, так ли хорошо она пахнет, как Клодия. Такую женщину он хотел бы связать и выпороть. Даже, наверное, предварительно связав и заставив смотреть на это ее красивого мужа с мальчишеским лицом. Мистер Сароцини снова заговорил, спустив Кунца с неба на землю:

– Мистер и миссис Картер. Джон Картер и Сьюзен Картер. Они живут в недавно приобретенном доме в Южном Лондоне. У мужа свой бизнес, программное обеспечение, жена работает в издательстве. Детей нет. Ты отыщешь, в чем слабость Джона Картера и Сьюзен Картер. Все ясно?

Кунц снова просмотрел фотографии. Его волнение росло. Он обратил особое внимание на снимок, на котором так хорошо были видны ноги и грудь женщины. Интересно, волосы у нее на лобке тоже рыжие? Он очень на это надеялся.

Мистер Сароцини подарил ему Клодию за хорошую службу. Может быть, если он угодит мистеру Сароцини, тот подарит ему и эту тоже.

– Все ясно, – сказал Кунц.

3

Перед дверью банка Джона Картера скрутил нервный спазм. Он обливался потом. Он уже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя подобным образом – наверное, еще в школе, в кабинете директора.

Рубашка прилипла к телу, мозг отказывался работать, координация движений полетела к черту. Он толкнул дверь, на которой ясно было написано: «Тяните», но из-за нервного напряжения даже не смутился.

Он пересек фойе, поглядел на очереди, ведущие к банковским кассам, и, постаравшись взять себя в руки, подошел к окошку с надписью «Запросы».

Вид женщины, сидевшей за стойкой, еще более увеличил его нервозность – она посмотрела на него так, будто его имя и описание было в каком-то секретном черном списке, распечатанном для всего персонала банка с пометкой: «Быть с ним настороже».

– У меня назначена встреча с мистером Клэйком, – сказал он, и под сфинксовым взглядом женщины его голос прервался, словно речь коммивояжера, продавшего за день уже бог знает сколько пылесосов.

Женщина неодобрительно нахмурилась, и Джон испугался, что он неправильно произнес фамилию управляющего.

– Его фамилия ведь так произносится?

Она деревянно кивнула.

Джон был одет в свой самый строгий костюм, темно-синий из легкой шерсти, белую хлопчатобумажную рубашку, неброский галстук и черные ботинки со шнурками, а под брюками у него были красные трусы в белый горошек – проверенный талисман, приносящий удачу. Он обсуждал со Сьюзен, что надеть на встречу, и прошлым вечером, и нынешним утром, примерил три разных галстука и четыре пары туфель, прежде чем убедился, что производит должное впечатление. В заключение она сказала, что он выглядит представительно, но без пижонства.

Джон подумал о мистере Клэйке, в сотый раз задавшись вопросом, что он за человек. Он размышлял о нем уже в течение двадцати четырех часов, с того момента, как вчера ему позвонила секретарша Клэйка и назначила встречу. Его мысли занимала также машина, которую он поставил на двойной желтой полосе недалеко от банка, – может, если повезет, ее и не погрузят на эвакуатор и не увезут, но без этого дополнительного беспокойства он бы сейчас прекрасно обошелся. У него не оставалось выбора: стоянки поблизости не было, а он уже на несколько минут опаздывал.

Джон вспомнил вдруг о где-то слышанной им шутке, в которой человек рассказывал своему другу о том, что у управляющего его банком один глаз стеклянный. Друг спросил, как он определяет, какой глаз стеклянный, а какой настоящий. «Это просто, – ответил он. – Стеклянный смотрит как-то теплее».

Шутка уже не казалась Джону смешной. Он вынул из кармана платок и вытер взмокший лоб. Чертова эволюция. Все дело в адреналине. Пятьдесят тысяч лет назад адреналин помогал пещерным людям спастись от саблезубых тигров. В данный момент Джону угрожало совершенно не это, а надпочечники все равно выделяли его. Под влиянием адреналина наполнялись кровью мышцы, ускорялся пульс, расширялись зрачки, начинали усиленно функционировать потовые железы. Ему позарез нужно было успокоиться, но эволюция не вооружила его необходимым для этого механизмом.

Он снова вытер лоб. Шея уже стала липкой, а потоотделение все усиливалось.

Мысли Джона метались. Ему было тяжело сосредоточиться на каком-либо одном предмете. Он вдруг испугался за свою машину. Сколько она сможет простоять на Пикадилли на двойной желтой линии? Десять минут? Двадцать?

– Следуйте, пожалуйста, за мной.

Он задержался, чтобы посмотреть на себя в зеркало, пригладил ладонью волосы, поправил галстук и глубоко вздохнул. Надо держать себя в руках. В жизни он попадал в трудные ситуации, и всегда умение владеть собой помогало ему. Он умел очаровывать окружающих, умел манипулировать людьми. Предыдущий управляющий этим банком, Билл Уильямс, был у него в кармане. Все, что ему нужно, – это сохранять спокойствие, проявлять вежливость и дружелюбие и показать мистеру Клэйку, какое прекрасное будущее у его бизнеса.

Он прошел в дверь вслед за сотрудницей банка. Кабинет остался таким же, как и прежде, – синий ковер, темное дерево стола, стен и мебели, – но с одним отличием: вместо Билла Уильямса в кресле управляющего сидел мистер Клэйк.

Билл Уильямс преклонялся перед техническим прогрессом, и на протяжении семи лет Джон был его проводником в мире компьютерных технологий. Они играли друг с другом в виртуальный гольф на компьютерах в своих кабинетах. Иногда Джон приглашал его в свой клуб в Ричмонде поиграть в настоящий гольф. Он научил Билла интернет-серфингу и показал, как искать в Сети порнографические фотографии – Билл называл их «картинки с милашками» – и прятать их в защищенные паролем папки на жестком диске компьютера.

Джон учил Билла Уильямса всему, что он хотел знать о компьютерах, а взамен Билл Уильямс давал ему все необходимые банковские кредиты – длинный кусок веревки для самоубийства через повешение, как любил шутить Билл.

И вот сейчас Билл Уильямс – прошлое. Ушел на пенсию раньше срока. В три дня. Он позвонил Джону неделю назад и голосом отца, лишившегося единственного сына, сообщил ему эту новость, добавив, что когда-нибудь он все объяснит, но не сейчас. Он извинился – ему было искренне жаль, что все так получилось, – но заверил Джона, что все будет хорошо. Они договорились поиграть в гольф, но день для этого не назначили. Банк будет продолжать помогать Джону, он в хороших руках, сказал Билл, но в его голосе не было особой уверенности.

А в рукопожатии мистера Клэйка не было особого дружелюбия. В выражении лица – и подавно. У него была голая, как шар для боулинга, голова и маленький скошенный рот. Клэйк носил очки в квадратной оправе, которые ему не шли.

– Мистер Картер, я рад, что вы так скоро смогли найти время для встречи с нами.

Он разговаривал, как чревовещатель, почти не двигая губами, будто держал во рту булавку.

Пригласив Джона сесть, Клэйк склонился над открытой папкой, в которой было собрано несколько листов компьютерной распечатки. Даже не заглядывая в них, Джон знал, что они содержат полное досье финансовой стороны его бизнеса. Рядом с папкой на столе стояла фотография – по-видимому, жена и дети мистера Клэйка. Судя по ней, жена у Клэйка была очень милая. «По крайней мере, Клэйк – живой человек», – подумал Джон, загораясь слабой надеждой.

– Вы разрабатываете мультимедийное программное обеспечение, – проинформировал его Клэйк.

Джон кивнул и судорожно глотнул. С точки зрения кинесики поведение Клэйка не сулило ничего хорошего. И Джону не понравилось, как он произнес слово «мультимедийное».

– Да, компьютеры. – Клэйк с шипением втянул в легкие воздух и вновь склонился над распечаткой. – Компьютеры.

Он улыбнулся, и Джон словно заглянул в пышущий холодом ледяной разлом. Он снова подумал о машине. Как долго мистер Клэйк продержит его здесь? *Не важно, забудь о машине.* Джон сосредоточил внимание на предстоящем разговоре, мысленно пробежался по хранящемуся у него в мозгу перечню ответов на наиболее вероятные вопросы мистера Клэйка.

– Сам-то я не очень разбираюсь в компьютерах, – сказал Клэйк. Он сидел в кресле в такой позе, будто ему вступило в спину. – Ничего не понимаю в современных технологиях. Конечно, они имеют свою нишу на рынке, и я понимаю, почему вы видите потенциал у своего бизнеса.

Джон, глядя на элегантный костюм и самодовольное лицо Клэйка, почувствовал, как в груди поднимается волна ярости. Как может сотрудник банка, да еще занимающий такую высокую должность, так разговаривать с клиентом?

Затем он вдруг увидел не замеченный им ранее предмет, лежащий на пустынной поверхности стола. Приглядевшись, он не поверил своим глазам. Это была Библия. Клэйк будто бы напоказ держал на столе Библию. «Да кто же он, черт возьми, откуда он тут взялся?» – подумал Джон.

– Прогноз на пять лет, – сказал Клэйк. – Кто его делал?

«Он что, религиозный фанатик?» – спросил себя Джон. Теперь он видел: в выражении лица Клэйка было что-то набожное, даже ханжеское. Что-то мессианское. Клэйк затеял крестовый поход против компьютеризации?

Хотя Джон и попытался внешне остаться вежливым и дружелюбным, сердце его упало. Он улыбнулся виноватой улыбкой, открыл свой портфель, вынул из него лэптоп и включил его.

На лице Клэйка появилось раздраженное выражение, а уверение Джона, что компьютер загрузится в течение минуты, казалось, еще больше усилило его недовольство. Джон лихорадочно думал, чем бы заполнить неловкую паузу и как найти общий язык с управляющим.

– Вы... играете в гольф?

Клэйк молча потряс головой.

– Вы... давно работаете в этом банке?

– Четырнадцать лет. Сколько еще времени отнимет у нас эта машина?

– Все почти готово. – Джон посмотрел на экран, от души желая, чтобы так оно и было.

Когда компьютер был готов к работе, он спросил: – План? Вам нужен план на пять лет или прогноз?

– Прогноз. Я же сказал. – Запасы вежливости Клэйка быстро иссякали.

Джон щелкнул клавишей, и компьютер завис.

Чувствуя, как по лицу разливается краска, и обильно потея, Джон был вынужден перезагрузить его. Все ускользало от него – все, во имя чего он работал всю жизнь. Беседа выходила из-под контроля. Джон терял уверенность в себе и уже не мог повернуть разговор в выгодное для себя русло.

Он подумал о Сьюзен, о том, как она была счастлива поселиться в новом доме, – его они потеряют, если Клэйк резко прекратит их финансовые отношения. Подумал о Гарете, его компаньоне, с которым они начинали вместе долгих восемь лет назад. О всех тех людях, которые работали у него, – их было шестьдесят человек, и многие из них пришли к нему сразу после колледжа.

Последние несколько месяцев он лихорадочно расширял штат, закупал новое оборудование. Он переехал со всеми сотрудниками в новое здание. Купил дом. Они были на таком хорошем счету у банка – Джон не допускал и мысли, что они не могут себе этого позволить. Теперь ему нужно убедить Клэйка в том, что он способен вернуть все взятые деньги. Но уверенность в себе покинула его.

Джон нервно улыбнулся:

– И вы... все это время... работали здесь, в Лондоне? – Голос Джона был похож на аудиозапись, прокручиваемую на замедленной скорости.

Клэйк не ответил. Он углубился в изучение компьютерной распечатки. И вид у него был отнюдь не жизнерадостный.

4

– Куда мне это поставить?

Гарри, маляр, нанятый для ремонта дома, посмотрел на Сьюзен. У него были большие печальные глаза и вислые усы. Он напоминал Сьюзен мексиканского бандита из какого-то вестерна.

Все мысли Сьюзен были заняты обустройством дома, а не тем, чем им полагалось быть занятыми, то есть редактированием рукописи, взятой на дом. Ей было сложно сосредоточиться на работе из-за беспокойства по поводу вызова Джона в банк.

Гораздо проще, чем читать главу, посвященную тяготению и полную сложных формул, было наблюдать за работой Гарри, выбирать цветовую гамму для покраски, рассматривать альбомы с образцами строительных материалов и обоев, бродить по комнатам, расставляя маркером кресты на стенах в тех местах, где впоследствии будут смонтированы электрические розетки, выключатели и батареи отопления.

Джон обещал позвонить сразу после окончания встречи и рассказать, как она прошла. Все должно было уже давно закончиться, а он еще не звонил. «Может, это хороший знак», – подумала она, зная, что обманывает себя. Если бы беседа прошла хорошо, он бы позвонил сразу. У нее была мысль позвонить самой, но она сдержалась – ему и без нее несладко.

Ее испугало то состояние, в котором он находился сегодня утром. Джон не был паникером, он всегда излучал уверенность, умел спокойно и без спешки разрешать все трудные ситуации, и это в сочетании с мощным броневой напором, которым он обладал, и привлекло ее к нему. Он всегда знал, чего хочет и как этого добиться. На их первом свидании, перекрикивая шум вествудского бара, он сказал, что собирается жениться на ней, и, когда, засмеявшись, она увидела появившуюся в его глазах решимость, это возбудило ее так, как никогда в жизни.

У Сьюзен было много мужчин, но никто и никогда не хотел ее так, как Джон. На следующее утро ее рабочий кабинет был буквально завален цветами – она едва смогла добраться до стола.

С Джоном она всегда чувствовала себя абсолютно спокойно. Он никогда не давал обещаний, которые не мог сдержать, не брался за работу, которую не мог выполнить. До сегодняшнего дня ничто не выбивало его из колеи. Ради него она все бросила и уехала из Калифорнии в Лондон. Джон стал ее миром.

Но сегодня утром она увидела незнакомца, который бестолково слонялся по дому, примерял разные рубашки, галстуки, носки, не в силах остановиться на чем-либо одном, пока наконец она сама не выбрала ему одежду и не проводила из дому. Закрыв за ним дверь, она вдруг почувствовала себя очень уязвимой.

Сьюзен всегда думала, что у них нет друг от друга секретов, но сегодня на рассвете Джон, проворочавшийся в постели без сна несколько часов, признался, что сильнее зависит от банка, чем раньше говорил. Кроме того, Джон был весьма обеспокоен судебным иском, предъявленным его компании известным композитором.

Она подозревала, что в последние месяцы в компании Джона не все было так безоблачно, как он старался показать, но Джон самым решительным образом отметал эти подозрения. Как бы то ни было, за время существования фирмы Джон не раз умудрялся пролезть в игольное ушко, и у нее не было причин думать, что в этот раз он не справится.

А если не справится? Смогут ли они содержать этот дом, если будут жить только на ее доходы? Их хватит на выплату ипотечных взносов, но вряд ли на что другое. Когда дело касается заработной платы работников, английские издательства славятся своей скупостью. Кроме того, она может вообще потерять работу – их издательский дом вот-вот войдет в состав американского медиагиганта, который уже купил одно крупное лондонское издательство.

С уменьшением их доходов была связана еще одна проблема: кто будет платить за ее младшую сестру Кейси?

Сьюзен зашла в эркер и стала смотреть в сад, в котором она столько всего хотела сделать. И она, и Джон очень полюбили этот дом. Неужели его отнимут у них даже раньше, чем они закончат приводить его в порядок?

Им нравился не только дом, но и весь район, в котором он располагался. Ей было интересно изучать новый мир, в котором они оказались. С тех пор как они чуть больше двух недель назад переехали сюда, она нашла отличную булочную всего в двух шагах от дома, специализированный винный магазин, от которого Джона за уши было не оттащить, и удивительный тайский ресторанчик, владелец которого закормил их бесплатными блюдами просто потому, что посетители ему понравились.

Она обустроила кухню, оклеила новыми обоями стены, купила полочку для специй, повесила на стену держатель для полотенец – в этом ей очень пригодился набор инструментов Джона. Она написала письмо родителям и приложила к нему фотографии дома (вид снаружи и изнутри; вид изнутри подписан: «До ремонта»). Кейси она написала тоже и послала ей фотографии – ее сестра не могла читать и даже видеть, но это не имело значения, Сьюзен все равно старалась сообщать ей обо всех переменах в своей жизни.

Гарри думал. Он погрузил валик в краску, приложил его к стене и провел им вверх-вниз. Четкие, уверенные движения. На глазах Сьюзен гостиная изменяла свой цвет с грязно-бежевого на белый. Сьюзен решила использовать его как основной во всем доме, а все деревянные поверхности выкрасить черной глянцевой краской.

Солнечный свет пролитым маслом лежал на некрашеных дубовых досках пола. В саду цвела вишня. В доме были большие комнаты, и Сьюзен с Джоном ни в коем случае не хотели заставлять их лишней мебелью. Они хотели сохранить их просторными и светлыми.

Обдумывая вопрос, Гарри провел валиком вверх, против силы тяготения, затем вниз, по ней. Он явно предпочитал движения вниз движениям вверх, и Сьюзен стало интересно, знает ли он, что при движениях вниз тяготение ему помогает.

На тяготении она теперь собаку съела – еще бы, десять дней редактировала книгу об этом! Несмотря на то что Сьюзен хорошо разбиралась в физике, тяготение заставило ее попотеть. Она находила утешение в том факте, что Эйнштейна оно тоже заставило попотеть – хотя, о чем она по секрету сказала Джону, может, и не так сильно, как ее саму.

Ко всему прочему, автор рукописи, Фергюс Донлеви, один из лучших авторов «Магеллан Лоури» и любимец Сьюзен, использовал в этой книге слишком заумный язык. По крайней мере, так думали она и независимый рецензент.

– Здесь, возле окна, – наконец сказал Гарри. – Это надо поставить вот тут. – И пробормотал что-то насчет фэншуй.

Сьюзен передвинула вазу к окну. Гарри был прав: она хорошо смотрелась здесь. Сьюзен купила ее в художественном салоне за несколько кварталов от дома. Она приготовила Гарри чай, себе – кофе и прошла в маленькую комнатку, свой рабочий кабинет. Села за стол перед открытым окном с видом на сад и углубилась в рукопись.

Она успела прочитать не больше страницы, прежде чем ее отвлек теплый ветерок из окна, приносящий запахи сада. Такая погода напоминала ей о Калифорнии, о детстве в Мариндель-Рее, о студенческих днях в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Эти воспоминания были неоднозначны, радость в них была перемешана с печалью. Неудавшаяся карьера ее любящих, заботливых родителей. Трагедия, случившаяся с Кейси. Эта трагедия до сих пор сильно влияла на их жизнь.

Сьюзен отпила кофе, посмотрела на вишню в цвету, на деревянную скамейку, стоящую рядом с жаровней для барбекю в небольшом, вымощенном кирпичом внутреннем дворике, и подумала, как хорошо здесь будет летними вечерами, за ужином с жареным мясом и розовым

вином. Затем она перевела взгляд на рукопись, подтянула рукава старой рубашки Джона, взяла карандаш, пожевала его и сосредоточилась.

Время – это кривая, а не прямая линия; линейное время является иллюзией; мы существуем в пространственно-временном континууме; часы на вершине горы идут более медленно, чем у ее подножия. Это не гравитационный эффект, а релятивистский – но тяготение и относительность тесно взаимосвязаны.

Это была одна из ключевых мыслей Фергюса, однако он никак не объяснил ее – а ведь его книга предназначалась не для специалистов, а для широкого круга читателей. Даже Сьюзен и то с трудом понимала этот абзац.

Через некоторое время к ней в кабинет зашел Гарри и попрощался. Не отрывая глаз от рукописи, она помахала ему рукой и поставила отметку отступа для нового абзаца. По лужайке, пересекая тени деревьев и качая головкой, как китайский болванчик, пробежал дрозд. Почувствовав, что за ним наблюдают, он взлетел и скрылся из виду.

Джон так и не позвонил. Сьюзен взяла телефон и уже собралась набрать номер, когда раздался звонок в дверь.

Она подошла к входной двери и открыла ее. Снаружи стоял мужчина в коричневом рабочем комбинезоне. Позади него на улице виднелся фургон с надписью «Бритиш телеком» на боку.

– Надеюсь, я не слишком поздно? – спросил мужчина. – Задержался на другом объекте. Вам звонили из офиса?

– Нет, мне никто не звонил, – ответила Сьюзен. – Но ничего страшного.

Он кивнул. В одной руке он держал ящик с инструментами, в другой – моток провода и мультиметр. Мужчина был крупным, сложен как квотербек, с грубым лицом боксера и короткой стрижкой. Он не был похож на англичанина, скорее на европейца, но выговор у него был как у жителя Северного Лондона, и по его манере говорить можно было предположить, что он выходец из низов.

– Если я не вовремя, то могу приехать завтра.

– Нет, все в порядке. А что случилось?

– Мне нужно проверить ваши телефонные линии. Четыре обычные линии, одна цифровая?

– Да, – сказала Сьюзен. – Проходите.

Мужчина вошел, украдкой рассматривая ее. «Она еще красивее, чем на фотографии», – подумал он. Особое внимание он обратил на ее брови – они были рыжими, как и волосы на голове.

Теперь он знал, что ее лобок тоже был рыжим. И это будило в нем желание.

5

– Что это еще за хрень?

– Это телефон, – спокойно отозвалась секретарша Джона Картера.

Джон посмотрел на нее таким взглядом, каким одарил бы уродливого морского краба.

– Это я и сам знаю, Стелла, понятно? Я спрашиваю, почему этот телефон стоит на моем столе, а не тот, который стоял сегодня утром, до того как я уехал.

В основном в такое расположение духа Джона привела беседа с мистером Клэйком, но также и общение с инспектором дорожного движения, поджидавшим его возле машины, и юристом, с которым он провел остаток дня и у которого были неутешительные новости по поводу судебного иска. Но день полетел псу под хвост именно из-за Клэйка. А теперь еще у него на столе стоял незнакомый блестящий «ВТ Колл-Мастер» – а ведь семь часов назад его не было.

– «Бритиш телеком» заменил аппарат. Пришел их человек, сказал, что это бесплатно. Они меняют все телефоны серии «Колл-Мастер», – сказала Стелла. – Он совершенно такой же, только новый. – Она уже давно работала у Джона и знала, как следует разговаривать с ним, когда он не в духе.

Джон поднял трубку, нажал кнопку, но, услышав сигнал ответа станции, заколебался. Он обещал Сьюзен позвонить после беседы с Клэйком. Она беспокоится. Но что ей сказать?

Он положил трубку на рычажок, повесил пиджак на спинку кресла и сел.

– Стелла, меня не беспокоить в течение часа, – сказал Джон и закрыл глаза. У него разболелась голова. – На семь у меня назначен сквош с Арчи Уорреном. Пожалуйста, позвони ему и отмени.

– Может быть, кофе?

Джон покачал головой. Дверь закрылась. Он посидел некоторое время без движений. Все внутри его стянулось в жесткий узловатый болезненный шар. Его немного мутило. Джон страдал боязнью высоты, и на высоком балконе или в фуникулере его охватывал липкий противный страх. Нечто подобное он испытывал и сейчас.

Ему необходимо было собраться с мыслями, все хорошенько обдумать, решить как-нибудь те две проблемы, с которыми он сегодня столкнулся. На новом телефоне заворчал сигнал интеркома. Он оставил его без внимания. Об оконное стекло билась муха. По улице протарахтел грузовик.

Джон невидящими глазами смотрел перед собой, а его жизнь смотрела на него со стены. Блестящие упаковки дисков в рамках. «Как играть в бридж», «Как выращивать растения», «Как построить ракету», «Как сделать ремонт в доме», «Как правильно заниматься любовью», «Как правильно питаться».

В основе бизнеса Джона лежала простая идея. Его фирма разрабатывала компьютерные программы, которые объясняли людям, как сделать то, что они хотят сделать. Если человека интересовал какой-то предмет, ему достаточно было нажать несколько клавиш для получения полной информации о нем. Они начали с коммерческих компакт-дисков, но потом стали заниматься преимущественно функционирующими в Интернете онлайн-проектами. Самым значительным их успехом за последние два года стал проект медицинских консультаций через Интернет, и в частности программа под названием «Виртуальный гинеколог».

С этой программой Джону очень повезло: ему удалось привлечь к работе над ней Харви Эдисона, самого известного в Лондоне акушера-гинеколога. Он был «виртуальным врачом» – лицом программы в Сети. Женщины регистрировались в ней, задавали интересующие их вопросы и получали на них ответы как бы в процессе живого общения – хотя на самом деле программа использовала обширный набор коротких, заранее записанных видеоклипов, создающих иллюзию беседы с живым Харви Эдисоном. Конечно, все пользовательницы знали, что

это запись, но от этого программа не становилась менее популярной. Они имели возможность всего за пару фунтов получить индивидуальную исчерпывающую консультацию известного врача, не выходя при этом из дому!

«Диджитрак» преуспевал. Об этом свидетельствовали золотые диски, висящие в рамках на стенах кабинета Джона, статуэтки, наградные дипломы с различных конкурсов. Компании присуждали награды компьютерные журналы, медицинские журналы, телевизионные каналы. Ее продукция пользовалась большим спросом на рынке. Фирму уважали.

И все это сделал Джон. У него в голове было много хороших идей, и он умел привлекать в свою команду лучших людей, чтобы все работало как надо. Большинство его сотрудников имели дипломы специалистов по компьютерным технологиям. Они работали либо над новыми версиями существующих программ, либо над созданием новых. Джон заботился о своих людях, хорошо платил им, выдумывал способы повысить их мотивацию. В прошлом году компания переехала на новое место – в длинное офисное здание необычной архитектуры в самом центре Южного Кенсингтона, с просторными холлами и спиральными лестницами. Сотрудникам нравилось в нем работать, и оно производило хорошее впечатление на заказчиков. Джон назвал его гордо: Диджитрак-хаус.

Постоянной проблемой «Диджитрака» была нехватка свободных средств. В своем стремительном развитии фирма поглощала деньги быстрее, чем они успевали вернуться в результате продажи продукта. Образно говоря, она постоянно ловила свой собственный хвост. Это не особенно беспокоило Джона: все динамично развивающиеся компании сталкиваются с этим.

Но теперь он был один.

Билл Уильямс, надежно прикрывавший его, ушел, и его место занял мистер Клэйк, который ничего не хотел знать. Через год, а при существующих темпах роста, возможно, и раньше они смогли бы преобразоваться в акционерную компанию. Аналитик, с которым разговаривал Джон, был уверен, что, если бы им удалось достигнуть нужных показателей, компанию бы оценили не меньше чем в двадцать миллионов фунтов. Теперь об этом нечего и думать.

Джон посмотрел на лежащие на столе бумаги. Непрочитанная входящая корреспонденция, ожидающие подписи письма, требующие подтверждения расходные ведомости. Он щелкнул клавишей, возродив к жизни монитор компьютера. В углу экрана мерцала иконка непроверенной почты. Он заглянул: семнадцать новых электронных писем.

Со стоящей на столе фотографии на него смотрела Сьюзен. Широкая улыбка на ее лице заявляла: «Я тебя люблю!» Он тоже любил ее и в этот момент нуждался в ней больше, чем прежде. Сьюзен никогда не теряла головы, никогда не паниковала, у нее всегда был свежий взгляд на ситуацию и как минимум несколько путей ее разрешения. Джон с горечью подумал, что, если он потерпит крах, это будет несправедливо и нечестно по отношению к Сьюзен.

Он набрал номер на новом аппарате и прослушал одиннадцать голосовых сообщений; пометил в записной книжке, кому надо перезвонить, когда он вернется в строй.

Бог знает, когда это произойдет.

Джон сжал ладонями виски, прищемив пальцами переносицу для того, чтобы облегчить боль, и несколько минут сидел, стараясь создать в голове список всех своих знакомых, связанных с банковским делом и инвестированием. Ничего не получалось. Он встал, побродил по кабинету, рассматривая развешанные по стенам компакт-диски, таблички и сертификаты, затем снял со стены один из золотых дисков – первый выпущенный им «Домашний доктор» – и повертел его в руках.

«Вот чем мы занимаемся, мистер Клэйк, – со злостью подумал он. – Мы производим качественное программное обеспечение. Наша продукция – лучшая, потому что делаем свою работу с душой. Каждый сотрудник моей компании старается изо всех сил. Можете фыркать сколько угодно, завидев компьютер, но многим женщинам мы спасли жизнь, объяснив, как нужно осматривать грудь на наличие уплотнений».

Джон повесил рамку на стену и, ссутулившись от беспомощности и отчаяния, обвел кабинет глазами. «Кто знает, не придется ли уехать из него через месяц, – пронеслось у него в голове. – Неизвестно, что к тому времени у меня вообще останется».

Он поднял жалюзи и выглянул на улицу. Кто-то, сердито сигналя, пытался объехать не уступающий дорогу грузовик. Вечер обещал быть хорошим. Они со Сьюзен так ждали этого первого лета в их новом доме. Как сказать ей, что им, возможно, придется продать его?

К тому же они в любой момент могут лишиться и ее дохода, если издательство купит с потрохами.

Черт. Черт. Вот черт.

Дом. Он любил возвращаться туда после работы и, подъезжая к нему, каждый раз напоминал себе, что он не спит, что это и в самом деле его дом. Они со Сьюзен разослали столько открыток с уведомлением о перемене адреса и даже успели показать дом нескольким друзьям. Все были в восторге от него, говорили, как им повезло. Они потеряют лицо, если сейчас уедут. А сотрудники? Как ему смотреть им в глаза? Как ему вышвырнуть их всех на улицу? Что с ними будет?

Он сел на диван, над которым на полке стоял цветочный горшок с вьющимся растением, и закрыл глаза. *Держи себя в руках. Наверняка есть какое-то решение. Ты ведь чертовски хорош в поиске решений. Вспомни свои собственные слова: «Лучшая месть – это успех». Накорми Клэйка успехом.*

На новом телефоне раздался сигнал внутренней связи. Джон отвернулся. Телефон зазвонил снова. Джон встал и подошел к стоящему в углу игровому автомату – механическому «однорукому бандиту», который он когда-то давно купил в антикварном магазине, – опустил в щель монету и потянул за рычаг. Выпали вишенка, лимон и апельсин.

Муха все билась об оконное стекло. Она попала в ловушку и не могла выбраться на волю. И он тоже. Он тоже попал в ловушку. Таких мух называют мясными, а еще – трупными. Такие мухи едят трупы. Джон как-то выпустил компакт-диск под названием «Как забальзамировать труп». Программа очень хорошо продавалась и до сих пор функционировала в Сети.

Снова зазвонил телефон. На улице взвыл автомобильный гудок. Мозг Джона будто онемел и никак не хотел думать о том, что следует сделать в ближайшее время. Впрочем, Джон и так знал, что надо было сделать: сыграть в сквош с Арчи Уорреном, тогда он наверняка почувствует себя лучше. Но сегодня он совершенно не в состоянии общаться с Арчи. Из всех друзей Джона Арчи сделал самую успешную карьеру, он был шумным, любил поговорить, и Джон часто, спохватываясь, замечал за собой, что всю хвастает, как хорошо идут дела у «Диджитрака», только для того, чтобы не терять темп и направленность разговора. Сегодня у него не было настроения трепаться.

Он принял решение. Он уедет с работы, не дожидаясь конца рабочего дня, купит в мясной лавке на углу пару хороших стейков, остановится у того шикарного винного магазинчика, который Сьюзен нашла в их районе, возьмет пару бутылок, а приехав домой, разведет огонь для барбекю. Они будут сидеть на лавке во внутреннем дворике, напиваться и пытаться найти выход из создавшегося положения.

Перспектива напиться взбодрила его. Он встал, надел пиджак, затолкал свой «пауэрбук» в портфель и покинул кабинет, попрощавшись со Стеллой.

Только он вышел в коридор, как его остановил совладелец компании, Гарет Нойс. Гарету необходимо было срочно поговорить с Джоном. Немедленно. Джону тоже нужно было поговорить с Гаретом, но позже – он решил не сообщать ему новость до самого последнего момента, потому что Гарет не мог работать в состоянии нервного напряжения. Он плохо ладил с людьми. Если Гарету попадал в руки компьютер – любой компьютер, какой угодно старый, разлаженный, измученный своей компьютерной жизнью, – через пять минут этот компьютер влюблялся

в него, вел себя с ним как с любимым дядюшкой, делал все, что хотел от него Гарет. А с людьми Гарет не мог найти общего языка.

Гарет был высоким, худым как жердь. Несмотря на то что ему исполнился всего тридцать один год, волосы у него были седые – и, насколько помнил Джон, они были такими всегда. Цветом лица он напоминал больного, лежащего в отделении интенсивной терапии. Его одежда всегда выглядела так, будто он в ней спал.

– Слушай, – сказал он Джону, – надо поговорить.

Джон неохотно последовал за Гаретом в его каморку и сел. Гарет был совладельцем бизнеса, и Джон обязан был проинформировать его о том, чем закончился разговор с Клэйком и что сказал юрист. Но Гарет ничего не смыслил в денежных вопросах. Он ничего не поймет и только запаникует. Гарет жил на другой планете, в своей собственной субреальности. Это было одной из причин того, почему они так эффективно работали вместе. Джон занимался финансами и маркетингом, Гарет – технической стороной. Их сферы деятельности не пересекались.

Гарет начал говорить с такой скоростью, что Джон смог уловить только основную его мысль. Проблема касалась игры, которую они разрабатывали. Она была чисто технической, и Джон никак не мог помочь ее разрешению, и, кроме того, она не шла ни в какое, *ни в какое* сравнение с той катастрофой, о которой знал Джон.

– Закавыка вышла с конфигурационными параметрами, – говорил Гарет. – Но не только с ними. Здесь дело в конфликте программного обеспечения. Я имею в виду, что «Майкрософт»... – Гарет выдал длинную последовательность технических терминов, и Джон тут же потерял нить рассуждений, чего Гарет не заметил – чего Гарет никогда не замечал.

Джон выключил его голос из сознания. Гарет продолжал говорить, выкурил подряд две сигареты. Табачный запах сводил Джона с ума. Им овладело искушение попросить одну, но он каким-то чудом сдержался. Он бросил курить три года назад, из-за Сьюзен, и ни разу с тех пор не сорвался. В какой-то момент, не обратив внимания на то, закончил Гарет или нет, Джон встал:

– Мне надо идти. Поговорим об этом утром.

– Ты понимаешь, что это может задержать выпуск программы? – мрачно спросил Гарет.

– Да. Мы не можем выпустить ее, не разобравшись с этим.

– Но думаю, все же есть один способ.

Джон ждал продолжения.

– Да, – сказал Гарет и встал. – Да, я знаю, что делать! Не беспокойся, оставь это мне.

Джон оставил это ему. Спускаясь в лифте, он подумал, что запрыгал бы от счастья, если бы ему удалось найти решение «проблемы мистера Клэйка» так же легко, как Гарет нашел решение для своей программы.

6

– Это наша спальня. Здесь один аппарат. – Сьюзен указала на него рукой.

Ей даже нравилось показывать телефонному мастеру дом – это было ей еще в новинку, и она радовалась, как ребенок, получивший новую игрушку. Особенно она гордилась этой круглой комнатой в башенке, со сплошным поясом окон.

Кунц проследил за ее пальцем и увидел телефон, который стоял на столике возле кровати; на стене чуть выше плинтуса располагалась кнопка сигнала тревоги. Отмечая это, Кунц впитывал в себя запахи, витающие в комнате, и старался выделить те из них, которые оставила после себя Сьюзен Картер.

В воздухе был разлит насыщенный мускусный запах ее влагилицных соков, смешанный с металлическим, еще свежим запахом спермы ее мужа. Наверное, они занимались любовью утром, а если нет, то точно нынешней ночью. Кунц услышал, как женщина сказала:

– К этому аппарату ведут две линии.

Две линии. Еще одна для факса в ее кабинете и еще одна для охранной сигнализации. Как успел заметить Кунц, в доме было четыре кнопки сигнала тревоги: по одной у парадной и задней двери, в спальне возле кровати и в кухне на стене рядом с базой беспроводного телефона. Цифровая линия вела к компьютеру мистера Картера.

Мысли Кунца сменили направление. На лестничной площадке он видел люк, ведущий на чердак. Мысль о чердаке взволновала его – не так, как запах, исходящий из влагилица Сьюзен, или мысль о том, рыжие у нее волосы на лобке или нет, – но все же она сильно взволновала его. Его сердце было полно благодарности мистеру Сароцини. Если бы не он, Кунц никогда бы не оказался здесь. Мистер Сароцини всегда знал, что привлекает его.

Они остановились на площадке лестницы. Кунц показал пальцем на люк:

– Это единственный путь на чердак?

– Думаю, да.

– А лестница у вас есть?

– Вот тут, в нише.

Сьюзен посмотрела на огромного мужчину и спросила себя, нравится ли ему его работа. Непонятно почему, но его вид не гармонировал с ней. «Может быть, он не мог обеспечить себя, работая по призванию, – подумала она, – и стал телефонным мастером, чтобы хоть как-то прожить. Многие люди не выбирают, что делать в жизни, а занимаются всем подряд – просто от отчаяния».

Сьюзен первая стала подниматься по лестнице, и Кунц дрожал от возбуждения, глядя на нее: его окутали ее запахи; ее туфля случайно коснулась его плеча; под задравшейся штаниной джинсов промелькнула обнаженная лодыжка. Он никогда еще не возбуждался от вида лодыжки. Это было новое для него ощущение.

Кунц никогда еще не занимался любовью с женщиной с рыжим лобком. Ему стало интересно, очень ли влажно будет внутри ее.

Поднявшись, Сьюзен открыла люк и включила свет на чердаке.

Кунц перебросил мультиметр через плечо, подхватил свой синий металлический чемоданчик с инструментами и стал взбираться по лестнице.

К югу от Темзы автомобильное движение почти застыло. Джон опустил люк в крыше «БМВ» и приглушил Брубeka в магнитоле.

Он не мог по достоинству оценить ни теплый летний ветер, обдувающий ему лицо, ни джаз, который он поставил, чтобы расслабиться. С неожиданной злостью он утопил в пол акселератор, и стрелка счетчика оборотов прыгнула к красной черте. Джон отпустил педаль, затем

снова нажал на нее. Водитель стоящей перед ним машины озадаченно взглянул на него в зеркало: они все равно не могли тронуться, так как стояли на перекрестке и перед ними было еще четыре машины.

Джон уже жалел, что отменил игру в сквош с Арчи Уорреном. Она и в самом деле отвлекла бы его от тягостных мыслей, но важнее было то, что Арчи, который был товарным брокером в Сити, имел широчайший круг знакомств. Он принадлежал к тем людям, которые знают всех и вся. Джон даже как-то пошутил в разговоре со Сьюзен, сказав, что, если она вдруг захочет встретиться с папой римским, ей стоит для начала обратиться к Арчи.

Он посмотрел на часы, расположенные на приборной панели. 6:20. Набрал номер мобильного телефона Арчи, но на втором гудке к линии подключился автоответчик. Тогда он попробовал позвонить Арчи в офис – если бы Джон поспешил, он еще смог бы приехать в Харлингем вовремя, – но рабочий телефон Арчи уже работал в режиме голосовой почты. Джон отключился, не оставив сообщения.

На его солнцезащитные очки села пылинка. Он снял очки и сдул ее. Через дорогу, возле паба, на тротуаре стояли люди со стаканами в руках. Они беззаботно отдыхали после работы, и Джон понял, что завидует им.

Человек пять собралось возле новенького «порше» с откидным верхом, самоуверенно стоявшего двумя колесами на тротуаре, и Джон мрачно подумал, что немало времени утечет, прежде чем он сможет купить новую машину. Его «БМВ» намотал уже девяносто тысяч миль, но о том, чтобы сменить его, теперь не приходилось и думать.

Поток машин пришел в движение. Джон воткнул третью скорость, надавил на акселератор и обогнал едущую впереди него машину. Не обратив никакого внимания на сердитые гудки и мигание фар, он вклинился между двумя автомобилями. Затем проделал то же со следующей машиной. И со следующей.

Остановился он только возле дома, а остановившись, понял, что забыл купить вина.

На обочине стоял фургон «Бритиш телеком». Сьюзен хорошо умела управляться с рабочими-ремонтниками, ей нравилось наблюдать, как, в соответствии с ее планами, преобразуется дом. У нее был талант к этому. И еще у нее был талант тратить деньги – деньги, которых у них больше не было.

Некоторое время он просто сидел, глядя на дом, и его сердце вздымалось вверх и падало вниз, как стоящий на якоре корабль, качаемый волнами. Как сказать ей, что они больше ничего не могут себе позволить? Им придется отложить празднование новоселья, а ведь они уже составили список гостей и напечатали приглашительные открытки. Они решили включить в этот список и соседей, хотя чета Мерриман, живущая в соседнем доме, вызывала у них некоторые сомнения – уж очень преклонного они были возраста. В погожие дни старик Мерриман, сумасшедшего вида майор в отставке, долгими часами сидел в саду и время от времени зычно покрикивал на деревья. Порой на пороге появлялась его жена, и, когда она попадалась старику на глаза, он по-военному решительно загонял ее обратно в дом.

Джон в шутку сказал Сьюзен, что уж они-то раскачают вечеринку, если их пригласить, на что Сьюзен ответила, что он слишком жесток – ведь и они сами могут когда-нибудь стать такими.

Ее слова задели Джона за живое. Ему тридцать четыре, и кажется, что до старости еще далеко – но вовсе уже не так далеко, как казалось раньше. Все меняется, и он никогда не чувствовал этого так остро, как сейчас. За несколько секунд все в жизни может перевернуться с ног на голову.

Единственным, что оставалось неизменным, была Сьюзен. Она была такой же сильной, умной и красивой женщиной, как и тогда, когда он впервые увидел ее. Пойдя за ним, она пожертвовала очень многим: уехала из родных мест, оставила семью, оказалась в стране, где никого не знала, кроме Джона. И он был поражен, как она быстро освоилась в новой обстановке.

новке. Она очаровала всех его друзей, нашла хорошую работу, тянула на себе все домашнее хозяйство. Все, кто знал ее, были от нее без ума – она была общительной, мягкой и приятной в общении, она не знала, что такое язвительность или ехидство.

Единственным, что беспокоило Джона, было то, как она восприняла его решение никогда не иметь детей – относительно этого Джон расставил все точки над «i» еще на стадии ухаживания, до того как сделал ей предложение. Он видел, каким взглядом она смотрит на детей их друзей или даже просто на мать с ребенком, сидящую в парке на скамейке, и знал, что в эти моменты ей было тяжело. Но она ни разу не попыталась обсудить с ним это еще раз.

Бывало, что на вечеринках ее спрашивали, когда же у них с Джоном появится малыш, и она всегда спокойно отвечала, что они решили не заводить детей. При этом в ее голосе была обезоруживающая уверенность, и расспросы тут же прекращались, – казалось, будто Сьюзен не со смешанными чувствами согласилась с решением Джона, а сама приняла его. В эти моменты Джон гордился ею.

Сьюзен заслуживала лучшего, чем тот поворот событий, что планировал мистер Клэйк.

В глазах Джона стояли слезы. Никто не заберет у них этот дом. Никакому плешивому, четырехглазому, косоротому банковскому управляющему с Библией на столе не удастся сломать им жизнь – ту жизнь, которую они с таким трудом создали для себя.

Он развернулся и поехал в винный магазинчик.

Когда-то давно каждая щель на этом чердаке была заткнута теплоизоляционным материалом. Рыжая губка была аккуратно уложена во всех углублениях, и Кунц, идя вдоль стропил, счел, что работа выполнена качественно. Он завернул за угол, перешагнул через высохший трупик крысы, попавшей в мышеловку, которую кто-то поставил и забыл о ней. На скелете крысы еще держались клочья шкурки, но плоть уже давно разложилась, – впрочем, запаха гниения в воздухе не ощущалось.

Зато явственно были слышны другие запахи: едва уловимая вонь от лежащей где-то недалеко мертвой птицы, темный холодный запах наполненной водой бочки, сухой терпкий – стареющего дерева. Он шел откуда-то сверху – возможно, оттуда, где каминная труба проходила сквозь крышу. Но Кунцу был важен только один запах, и при каждом вздохе он насыщался им. Это был запах Сьюзен Картер, и из-за него он терял контроль над собой.

Только всегда присутствующая в уголке сознания мысль о мистере Сароцини помогала ему сохранить самообладание. Мысль о том, что мистер Сароцини может с ним сделать, если он провалит задание. Иногда Кунц задумывался о том, сколько будет длиться насланная мистером Сароцини боль, если он по-настоящему рассердится на него. Пока что ни одно наказание никогда не длилось дольше нескольких дней. Но Кунцу доводилось видеть людей, по-настоящему страдающих от боли, насланной на них мистером Сароцини, – боли, не стихающей дни, недели, месяцы, боли, которая в конце концов заставляла людей молить о смерти.

Люди часто говорят об адских мучениях – Кунц знал это выражение по книгам и фильмам и понимал, что это всего лишь метафора. Даже среди переживших холокост по пальцам можно было пересчитать людей, которые мучились бы так же, как те, что прогневили мистера Сароцини.

Сьюзен Картер шла позади Кунца. Она проследовала за ним за угол, в чернильную темноту, и при этом от нее не исходил запах страха. Она доверяет ему. Это хорошо.

Джон сидел в машине возле винного магазинчика и царапал ногтем целлофановую обертку сигаретной пачки. Он снял обертку, открыл пачку, оторвал золотую фольгу и вытянул сигарету. Ее сухой кедровый запах напомнил ему о детстве, о том, как он прятал сигареты в шкафу под стопкой носков и выкуривал их на чердаке или в заброшенном бомбоубежище неподалеку от школы.

Он зажег сигарету от автомобильного прикуривателя и глубоко затянулся. В голове противно зашумело, к горлу подкатила тошнота. От второй затяжки кружения в голове прибавилось, и его бросило в холодный пот.

Джона передернуло от отвращения. Он открыл дверь, швырнул сигарету в канаву, затем виновато поглядел на открытую пачку, лежащую рядом с ним на сиденье. Решительно вышел из машины, бросил все – пачку, целлофановую обертку, фольгу – в урну и сунул в рот пластинку жевательной резинки. Чувствуя себя ужасно, он откинулся на спинку сиденья. Он не в силах был ехать домой – чтобы быть в состоянии посмотреть в глаза Сьюзен, ему нужно было выпить. Где-то на соседней улице был паб. Джон завел машину и двинулся туда.

Предвкушение. Кунц знал, что предвкушение наслаждения чаще дает больше удовлетворения, чем последующее наслаждение. Двадцать первая истина гласила, что наслаждение есть освобождение от предвкушения. Но только не в этом случае. Только не с этой женщиной. Кунц был уверен, что наслаждение, которое он получит от Сьюзен Картер, не сравнится ни с каким предвкушением.

– Я вам больше не нужна? – вдруг спросила она.

Он ничего не ответил. Ему нравилось, что она стоит здесь, рядом с ним, в темноте. Это создавало иллюзию близости между ними. Снова раздался ее голос:

– Вы слышите меня? Я вам больше не нужна?

Он оценил изменения в тембре ее голоса. Ему нравилась эта игра в темноте. Он подождал еще немного, затем сказал:

– Нет. Все, что мне нужно, у меня с собой. Спасибо.

Кунц, освещая ей путь лучом фонаря, проводил ее назад до поворота, подождал, пока она не спустится по лестнице, жадно вдыхая, впитывая всей поверхностью легких ее ароматы, разливающиеся в воздухе.

Затем Кунц возвратился на место и сосредоточился на первой части той работы, которую ему нужно было выполнить здесь. Поставив на пол ящик с инструментами, он присел на корточки и вынул из отделения в крышке небольшую металлическую коробочку в два дюйма длиной и дюйм шириной. Также он достал из ящика копию чертежа дома, ради которой он ездил в отдел проектирования. У его лица качалась большая паутина.

Не спеша обойдя чердак, он отыскал подходящее место и шурупами прикрепил коробочку в таком месте, где за теплоизоляцией она была не видна и ее трудно было обнаружить. Это устройство будет принимать сигналы от микрофонов, которые он установит внутри каждого телефонного аппарата внизу, и транслировать их на низкоорбитальный спутник.

Из любой точки планеты Кунц сможет отслеживать каждое слово, сказанное в этом доме, и не важно, будет ли это разговор по телефону или обычный разговор в какой-либо из комнат дома. Он подключил устройство к питающей дом электросети, но установил и аккумуляторный источник питания на случай отключения электричества. Если это будет необходимо, через три года ему придется вернуться сюда и заменить батарею. Кунц на всякий случай отметил в памяти дату.

Закончив монтаж, он прикоснулся щупами мультиметра к контактам в коробочке. Показания его удовлетворили. Выполнив тестовую передачу, он с радостью отметил, что сигнал сильный.

С первой частью работы, для выполнения которой он поднялся на этот чердак, было покончено. Вторая часть займет больше времени – по его подсчетам, по меньшей мере два дня. Но каким счастьем для него будет трудиться здесь, ежеминутно погружаясь в ароматы Сьюзен Картер, ощущая ее присутствие! На ум ему пришли исполненные мудрости слова Восемнадцатой истины: «Любая мечта может исполниться». Кунц мечтал о Сьюзен Картер. Мистер Сароцини не переставал изумлять его. Мистер Сароцини всегда точно знал, чего желал Кунц.

Конечно, все исходящее от мистера Сароцини имело свою цену. Но Кунц не был против. За Сьюзен Картер он заплатил бы любую цену.

Он закрыл люк и спустился. Еще одно небольшое дело, и он уедет. При первом визите нельзя злоупотреблять гостеприимством хозяев. У него вся жизнь впереди для того, чтобы насладиться Сьюзен Картер.

7

Сьюзен была в кухне, когда открылась входная дверь. Она чуть не бегом бросилась в холл. Один взгляд на мертвенно-белое лицо Джона сказал ей все.

– Джон? – обеспокоенно спросила она, взяла у мужа портфель и поставила его на пол. Затем обняла и поцеловала Джона. Никакой реакции: с таким же успехом она могла бы обнимать статую. От него пахло табаком и сигаретами – а ведь он не курил три года. – Джон, – еще более обеспокоенно повторила она, – что случилось? – Сьюзен потерлась об него щекой и почувствовала, как его чуть-чуть отпускает. – Хочешь выпить? Виски? – Она ослабила ему галстук, и он кивнул. – Сейчас сделаю, – сказала Сьюзен и сама услышала, как задрожал ее голос. Она не знала, что делать, не знала, что говорить ему. Вместо мужа с работы домой пришел незнакомец.

Вернувшись в кухню, она налила в стакан добрую порцию «Макаллана», добавила четыре кубика льда и немного фильтрованной сырой воды. Себе она хотела налить розового вина, но потом решила, что ей необходимо выпить чего-нибудь покрепче, и сделала еще одно виски.

– «Телеком», – сказал Джон, отчужденно глядя на копию рабочего листа, лежащую на столе. – Они были здесь?

– Да, их мастер. Он только что уехал. Установил преобразователь на телефонную линию – так, кажется, он сказал. – Сьюзен посмотрела на Джона. – Что-то не так?

Он пожал плечами. В обычный день он рассказал бы о том, что в его офис тоже приходил мастер из телефонной компании – Сьюзен придавала очень большое значение совпадениям, – но сегодня он был не в силах поддерживать беседу.

Сьюзен мучительно хотелось узнать, что произошло в банке, но в то же время она боялась затронуть эту тему.

– Он вернется завтра и проведет новую цифровую линию, – сказала она. – И он обещал заменить провода, ведущие ко всем телефонам.

– Хорошо, – рассеянно сказал Джон. – Связь у нас была паршивая. В трубке постоянно потрескивало. Он проверил аппараты?

– Да. Мне он показался очень педантичным.

Разговор иссяк.

Джон покрутил в руке стакан. Полурастаявшие кубики льда тонко зазвенели о его стеклянные стенки. Джон отвернулся от Сьюзен и стал смотреть в окно.

– В банке у меня ничего не вышло. Этот новый управляющий... – Он скривился, сделал глоток виски, затем поставил локти на сосновую столешницу, держа стакан обеими руками. – Он идиот, полный идиот. Я просто... не могу поверить...

Сьюзен нежно обняла Джона, погладила по щеке. Его голос дрожал – он готов был плакаться. Она в жизни не видела, чтобы он плакал.

– Джон, бедный мой мальчик. – Она взяла стакан из его нетвердой руки, затем обняла его крепче. – Жизнь моя, ведь это не важно. Ничто не важно, кроме меня и тебя.

Джон вытащил из кармана платок, промокнул им глаза, прочистил нос. Он ничего не ответил.

– Ну, так что сказал этот новый управляющий?

– Он дал мне месяц на погашение всей задолженности банку. – Джон шмыгнул носом и замолчал. Затем, очень тихо, он сказал: – Если я не успею, мне будет отказано в кредите.

Удалившись на три мили от дома Картеров, Кунц свернул с дороги, проехал еще несколько сот ярдов по вырубке вдоль заброшенной железнодорожной ветки и остановился рядом с синим «фордом», который он взял в аренду сразу по приезде в Англию.

Ему не нравился телекомовский фургон, но он также не стремился побыстрее оказаться за рулем «форда». В прошлом октябре мистер Сароцини подарил ему на тридцатилетие шикарный вороной спортивный «Мерседес SL600», с черными сиденьями из натуральной кожи и CD-чейнджером на десять компакт-дисков с двадцатиполосным эквалайзером и отдельным усилителем для сабвуфера. Автомобиль находился в Женеве, в подземном гараже того дома, где располагалась его квартира, и Кунц скучал по нему. В «мерседесе» он чувствовал себя королем дороги. «Форд» не давал такого ощущения, но, так как временное отлучение от «мерседеса» было частью той жертвы, которую он должен принести ради обладания Сьюзен Картер, Кунц смирился с этим.

Он вытащил из кармана толстую пачку двадцатифунтовых банкнот и протянул их инженеру «Телекома», который, невидимый снаружи, сидел в глубине фургона и смотрел на Кунца глазами испуганного кролика.

– Второй аванс, – сказал Кунц. – Остаток получите после того, как я закончу.

Инженер, маленький пожилой человечек, взял деньги трясущимися от страха руками.

– Надеюсь, вы все правильно сделали, – сказал он.

Кунц заверил его, что сделал все правильно, хотя для инженера это уже не могло иметь никакого значения – через пару дней он выбросится из окна. Если когда-нибудь будет обнаружено, что кто-то поработал с телефонной сетью в доме Картеров, все повесят на него. Отыщут какую-нибудь причину самоубийства – например, психическое расстройство.

Сев в свой «форд», Кунц включил приемник спутникового сигнала, выполненный в виде трубки мобильного телефона, и задействовал активируемый голосом цифровой диктофон. Он приблизил трубку к уху, ввел команду сканирования каналов и стал слушать. Почти сразу же в трубке раздался голос Сьюзен Картер.

И Кунц мгновенно возбудился. Его одежда напиталась ее ароматом, и теперь он распространялся по салону «форда». Кунц подумал о том, не оставить ли себе телекомовскую униформу, «одолженную» ему инженером. Да, наверное, он ее оставит.

Сьюзен Картер воскликнула:

– Как? Как они могли так поступить с тобой? Джон! Как они могли так поступить?

– Они вправе поступать так, как считают нужным, – сказал Джон. – Это их деньги, и они могут делать с ними все, что им заблагорассудится.

Сьюзен предполагала, что банк их прижмет, но чтобы так...

– Они не имеют права обращаться с людьми таким образом, – возразила она.

Джон отпил виски и пожалел, что выбросил сигареты.

– Это их рутинная работа – обращаться с людьми таким образом.

Сьюзен добавила в виски воды и сделала глоток. Она старалась придумать что-нибудь утешительное. Это можно как-нибудь решить. Все можно как-нибудь решить, если не паниковать и думать. И не терять уверенности в себе. Если ты уверен в себе, люди тебе доверяют. А если они видят неуверенность и тоску у тебя в глазах, они избегают тебя.

– Давай выйдем в сад и посидим там, поговорим, – сказала она. – Или, если хочешь, поедем в тайский ресторанчик.

– У меня стейки в машине.

– Стейки?

Джон кивнул:

– И вино. Я... собирался сделать барбекю.

Сьюзен улыбнулась ему:

– Это было бы просто замечательно. Я могу поставить в духовой шкаф картофель в мундире.

Он пожал плечами:

– Пора начинать экономить деньги. Есть поменьше.

Он открыл дверцу буфета, заглянул в него и извлек на свет божий бутылку.

– Что это?

– Песто.

– А-а.

– Он был в той корзине, которую Арчи подарил нам на новоселье.

Джон продолжал внимательно разглядывать этикетку, будто надеялся, что на ней указано, как ему выйти из создавшейся ситуации.

– Не надо было покупать этот дом, – наконец сказал он.

Сьюзен сделала еще глоток виски и посмотрела в сад. Облитый мягким вечерним светом, он лучился спокойной, умиротворенной красотой. Она представила себе, каково это будет – переехать обратно в маленький дом или даже квартиру. Если им придется сделать это, то они смогут выбраться оттуда в лучшем случае через несколько лет.

Но найдут ли они такой же хороший дом, как этот?

– Ты говорил с Биллом Уильямсом? – спросила она. – Он придет в ужас, когда узнает, что произошло.

– Билл – прошлое. В банковском деле он больше не игрок. Теперь он играет в гольф.

– Я знаю, но он же твой друг. Мы приглашали его к нам на обед, водили в театр, в Глайндборн, на скачки в Аскоте. Мне приходилось развлекать его безмозглую жену. Не может быть, чтобы Билл ничего не мог сделать. Он обязан тебе.

Джон поставил бутылку обратно в буфет и снова взялся за стакан.

– Не уверен, что Билл сможет что-нибудь сделать, – похоже, его вышвырнули из-за меня. В том числе из-за меня. Клэйк ясно дал это понять. – Он допил виски и налил себе еще.

Сьюзен ничего не сказала. Возможно, сегодня это для него самое лучшее, – по крайней мере, когда он напивался, то становился мягким, а не агрессивным, как ее отец. Может, сегодня им обоим стоит напиться до потери чувств.

– С чего вдруг этот Клэйк на тебя взъелся? Ты – ценный клиент. Я не понимаю, почему банк вдруг так натянул вожжи.

– Тебе нужна формальная причина? Клэйк сказал, что у банка слишком большая доля в сфере компьютерных технологий. Они уже обожглись на нескольких хай-тек-компаниях – и папой парочки из них был Билл Уильямс. Бухгалтерский баланс моей фирмы их не впечатляет, а в наши прогнозы они не верят. Они считают, что мы не потянем выплаты по кредиту, и намерены сократить убытки до минимума.

– А на самом деле?

– Клэйк – религиозный фанатик. Технофоб. Верит, что высокие технологии – детище Сатаны. Ну, ты понимаешь...

Джон всегда с осторожностью высказывался в присутствии Сьюзен о религии, потому что она верила в Бога. В самом начале их совместной жизни она часто ходила в церковь, а когда они были еще только помолвлены, он и сам несколько раз сопровождал ее, но с неохотой, только для того, чтобы примелькаться священнику. После свадьбы он наотрез отказался делать это, а со временем и Сьюзен почти прекратила посещать службы.

Клэйк представлялся Сьюзен высоким, элегантным, одетым в дорогой серый костюм мужчиной с безукоризненным пробором в седых волосах и неестественно бледным лицом. Несмотря на то что она никогда не видела его, он внушал ей безотчетный страх, вызванный тем, какую власть он имел над их жизнью. С кинематографической ясностью она вспомнила тот день, когда к ним домой (они тогда жили в Фулхэме) пришел Билл Уильямс с целым портфелем бланков. Он уверил ее, что она будет выступать в качестве поручителя Джона всего в течение нескольких месяцев – он лично за этим проследит, – только до тех пор, пока не вырастут показатели «Диджитрака».

И показатели действительно стали расти, но потом Картеры купили этот дом, и Джон сказал, что начальники Билла Уильямса хотят, чтобы она осталась поручителем Джона еще на некоторое время, под залог дома. Тем самым надежность их вложений будет гарантирована.

Сьюзен достаточно разбиралась в юриспруденции для того, чтобы понимать, что, если бы она не подписала бумаги, банк не смог бы наложить свои лапы на дом.

Билл Уильямс сейчас играл в гольф – он получил свое выходное пособие и достойную пенсию, и его теперь мало что заботило. Сьюзен вдруг поняла, как сильно она ненавидит его. Именно из-за него они оказались на краю гибели.

И теперь Кунц, который, приложив к уху трубку спутникового телефона, вел по дороге свой «форд», знал, что у четы Картер есть слабость. Это было очень хорошо. Мистер Сароцини будет доволен.

Много лет назад в большом поместье в Шотландии мистер Сароцини учил Кунца ловить семгу. Он показывал ему, как правильно держать в руках длинное упругое самодельное удище, оснащенное дорогой, искусно сделанной катушкой, и провел с Кунцем долгие часы на берегу реки, снова и снова объясняя ему, как забрасывать наживку подальше в стремнину.

Наконец удовлетворившись результатом, мистер Сароцини наживил на крючок слепня и разрешил Кунцу забросить удочку по-настоящему.

Кунц запомнил это мгновение на всю жизнь. Леса, летящая над пенистой темной водой, упавший на ее поверхность крючок с наживкой, затем, всего через секунду, всплеск, серебряный просверк, и вот оно – то удивительное ощущение, возникающее, когда бьющаяся на крючке рыба раскачивает и рвет из рук удище, стараясь освободиться.

Возбуждение, то же самое сильнейшее возбуждение, какое он испытывал тогда, он испытывал и теперь.

Он не мог поверить, что ему так повезло.

– И сколько денег тебе нужно найти? – спросила Сьюзен. – Если я не ошибаюсь, ты должен выплатить банку около пятисот тысяч, верно?

Джон баюкал в ладонях цилиндрический стеклянный стакан.

– Недавно Билл увеличил сумму до семисот пятидесяти тысяч. И еще на нас висит заем в двести пятьдесят тысяч, у которого подходит срок платежа – Билл продлил бы его. А ведь надо еще платить взносы за дом.

Сьюзен нервно кивнула. Дело обстояло еще хуже, чем она думала. Она вздрогнула от громкого хруста.

Джон раздавил стакан.

Сьюзен отпрянула, когда на пол полилось виски, посыпались осколки стекла и кубики льда. Один осколок остался у Джона в ладони, и на ней показалась кровь. Джон вытащил его, затем беспомощно посмотрел на Сьюзен – как ребенок, который случайно сделал что-то не то и не понимает, как это могло произойти.

Сьюзен осмотрела рану и, убедившись, что осколков в ней больше нет, промокнула ее влажным полотенцем; затем усадила Джона в стоящее в углу кухни кресло:

– Милый, не волнуйся так. Посиди, я сейчас все уберу.

– Я не буду опять бедным, – сказал он. – Ни за что. По этой дороге я обратно не пойду.

– Мы и не будем бедными, – поспешила ответить Сьюзен. Она принесла щетку, совок и тряпку. – Мы что-нибудь придумаем. Я сама пойду и поговорю с мистером Клэйком.

Джон слабо улыбнулся, представив, как Сьюзен врывается в кабинет Клэйка и устраивает тому разнос.

– Может, стоит обратиться к кому-нибудь поважнее мистера Клэйка? Директора банка знают об этом деле? Они готовы потерять одного из лучших своих клиентов?

– Думаю, что готовы, раз они уволили Билла за то, что он давал мне слишком много денег, – сказал Джон.

Сьюзен стала убирать с пола осколки стекла.

– Ты сегодня испытал сильное потрясение и не можешь сейчас быть полностью объективным. Давай ты переоденешься, и мы пойдем в сад, сделаем барбекю и отдохнем. Хорошо?

Двадцатью минутами позже Джон, одетый в старые джинсы и трикотажную рубашку, с новым стаканом виски в руке уже сидел в саду на скамейке и наблюдал, как в жаровне для барбекю пламя лижет уголь. Сьюзен вынесла из дома миску салата и набор ножей, положила их на стол и села рядом с Джоном на скамейку.

Из-за забора раздался голос старика-соседа.

– Пошла прочь, женщина! – прокричал он.

В парке залиристо лаял пес. С неба пришел похожий на гром звук – это «Боинг-747» заходил на посадку в Хитроу. Он летел пугающе низко.

Несмотря на теплый вечер, Джона колотило. Если ты беден, ты не можешь летать на самолетах. Если ты беден, ты словно в клетке, ты привязан к одному и тому же месту, словно муха, которая ползает в пустой банке из-под джема, слизывает остатки сладости и не смеет даже думать о том, удастся ли ей выбраться наружу.

Его мать попала в ловушку из-за того, что вышла замуж за его отца, а потом родила его. Все детство Джона она рвалась, стараясь накормить, обууть, одеть и выучить его на скудное пособие по безработице, и с течением времени ее характер все больше портился. Люди с достатком или презирают бедняков, или испытывают к ним снисходительную жалость, а беднякам нечем ударить в ответ. Матери Джона нечем было ударить, когда к ним домой пришли работники социальной службы, чтобы забрать его у нее. Ей нечем было ударить, когда ушел его отец.

А сейчас он сам испытывал полную беспомощность перед Клэйком – Клэйк будто стоял на верхушке высокого, вымазанного жиром столба, на который Джон лез всю свою сознательную жизнь, и сейчас, когда Джон почти забрался наверх, Клэйк отвесил ему такой пинок, что он кулем свалился в смрадную выгребную яму, в дно которой этот столб был врыт.

– Джон, – тихо сказала Сьюзен, – «Диджитрак» ведь сейчас на высоте? Я имею в виду, по части заказов и репутации.

Джон поколебался.

– Безусловно.

– Но в таком случае можно найти какой-нибудь другой банк, который возьмется кредитовать твою фирму.

Джон ничего не ответил. Рев реактивных двигателей постепенно стихал. Небо окрашивалось в глубокий кобальтовый цвет – яркий, почти искусственный, как у театрального задника.

– Если бы не судебный иск, такой вариант не исключен, – сказал он.

– Этого композитора? Зака Данцигера? Я думала, что это уже улажено, что он отказался от претензий.

– Я тоже так думал, – ответил Джон. – И Тони Брэмфорд. Мы согласились платить ему процент с продаж.

Тони Брэмфорд был адвокатом Джона. Для очередной программы серии «Домашний доктор» «Диджитрак» использовал музыку молодого композитора, которого нанял Гарет, и эта музыка включала в себя фрагмент, предположительно нарушающий авторские права Зака Данцигера, одного из самых известных и высокооплачиваемых британских композиторов.

Молодой композитор яростно отрицал, что слизал мелодию у Данцигера, но при одновременном прослушивании произведений сходство между ними стало очевидным. «Диджит-

раку» ничего не оставалось, кроме как встретить иск, притом что шансы, что молодой композитор возместит затраты из собственного кармана, были крайне малы.

– И что произошло? – спросила Сьюзен.

– Данцигер проконсультировался у юристов и теперь уверен, что сможет вытянуть из нас от трех до пяти миллионов. В бюджете «Диджитрака» на ошибки заложен один миллион, в то время как только судебные издержки могут обойтись в полмиллиона. Не так уж много адвокатов жаждут взяться за это дело.

Джон встал и уныло поворочил угли в жаровне. Даже запах жареного мяса, который он обожал, сейчас не мог поднять ему настроение. Он проверил готовность стейков и вылил на них еще несколько ложек своего фирменного маринада.

– Значит, – сказала Сьюзен, – тебе дали месяц. По крайней мере, у нас есть время.

В доме зазвонил телефон. Джон двинулся было на звук, но вдруг резко остановился. Сьюзен сказала:

– Я отвечаю, – и направилась к дому.

Ярость, прозвучавшая в голосе Джона, заставила ее застыть на месте. Он сказал:

– Нет! Не ходи. Пускай звонит. Сейчас включится автоответчик.

Она повиновалась, и после пятого звонка телефон затих.

– На работе что-нибудь изменилось? – спросил Джон.

– Нет.

Сьюзен работала выпускающим редактором в отделе документальной литературы издательства «Магеллан Лоури» – солидной компании, одной из тех немногих в современном издательском бизнесе, которые сумели сохранить независимость.

– У нас все пока по-прежнему после того, как Питер Траубе заверил меня, что, даже если слияние с «Медиа интернэшнл коммьюникейшнз груп» и произойдет, никакого сокращения штатов не будет.

– Траубе у вас главный, верно?

Сьюзен кивнула:

– Директор-распорядитель.

– Он человек слова?

Сьюзен помедлила, потом сказала:

– Нет, не думаю.

Джон сделал плоток виски и стал смотреть на деревья, растущие в дальнем конце сада, и на деревья за ними – в парке. Спускались сумерки, и их кроны теряли зеленую окраску, темными силуэтами выделяясь на фоне неба. Мысли Джона метались, пытаясь отыскать соломинку, за которую мог бы схватиться утопающий. Банк, конечно, заморозит кредит на дом, но у них останется заработная плата Сьюзен, и если он обналичит средства на своем счете в пенсионном фонде и продаст все имеющиеся у него ценные бумаги, то, возможно, им удастся некоторое время уплачивать ипотечные взносы. Однако была еще одна трудность – и о ней ни Сьюзен, ни он еще не заговаривали. Младшая сестра Сьюзен, Кейси.

– Ладно, – сказала Сьюзен. – Тебе надо отдать эти деньги. Но ведь у твоей фирмы остается имущество: компьютеры, офисная техника, договор об аренде помещения – он же должен что-то стоить. Твой портфель заказов полон – это гарантирует доход в будущем...

Джон перебил ее на полуслове:

– Мы здорово переплатили, чтобы добиться того помещения, которое сейчас занимаем, а офисное оборудование продать можно только за бесценок. Почти все автомобили – это не собственность фирмы, мы их только арендуем. – Джон помолчал. – Если устроить срочную распродажу, фирме придет конец. Это не вариант.

– Джон, – сказала Сьюзен, – у меня есть еще деньги на счете в Соединенных Штатах. Там около десяти тысяч долларов, и ты можешь взять их, если это поможет. И я могу продать

драгоценности... хотя не думаю, что смогу много за них выручить. – Она взяла перевязанную руку Джона и тихонько поцеловала его пальцы.

Джон покачал головой. Кейси лежала в клинике в Калифорнии. Она находилась в состоянии комы уже девять лет и могла провести в этом стабильном вегетативном состоянии еще долгое время.

– Эти деньги могут понадобиться Кейси, если она доживет до того момента, когда истечет срок действия страховки, – ответил он.

– Арчи Уоррен, – сказала Сьюзен. – Почему ты не поговоришь с ним?

– Я поговорю.

– Сегодня вторник. Разве ты не должен был поехать играть с ним в сквош?

– Я отменил игру. Плохо себя чувствовал.

– Я уверена, что Арчи сможет помочь.

Сьюзен села Джону на колени и заглянула ему в глаза – темно-карие, почти черные. Иногда они становились жесткими, словно кристаллы, но даже тогда в их глубине можно было разглядеть теплое, доброе выражение, обыкновенно разлитое по всей поверхности зрачка.

– Мы выживем, – сказала она. – Мы сможем найти выход. Но даже если не сможем, у нас все равно будем мы. Если понадобится продать дом – мы продадим его. Мы еще молоды и можем переехать в маленький дом, даже в квартиру. Мы еще способны начать все сначала. Ничего страшного.

– Ничего страшного, – эхом отозвался Джон.

Перед глазами у него стояло косоротое ехидное лицо Клэйка, Библия у него на столе. Он всей душой желал согласиться со Сьюзен, но не мог. Не «ничего страшного», а очень страшно. Ужасно.

Просто кошмарно.

8

– Ну? – сказал Арчи. – Как тебе?

Они ехали по Филхэм-роуд в новеньком «астон-мартин-вираж-воланте» Арчи. Арчи получил его только сегодня утром, и спидометр показывал, что автомобиль прошел лишь семнадцать миль. Крыша машины была опущена. Джон расположился на кремовом сиденье с красной окантовкой, обитом кожей от «Коннолли». В машине пахло, как в шорной мастерской. Мощный рык двигателя служил приятным фоном рвущейся из колонок песни доктора Хука «Я богат, и мне это нравится».

Да, Арчи это нравилось.

Джон, который обыкновенно тоже любил пижонить, был совершенно не в настроении делать это сегодня. Он чувствовал себя неловко в сверкающем монстре цвета гемоглобина, который оглушал пешеходов своим ревом, и, кроме того, он чуть-чуть завидовал Арчи.

В ответ на вопрос Арчи Джон хотел сказать, что тот похож на мистера Тоуда¹, но предпочел промолчать.

Чем дольше Джон смотрел на Арчи, тем больше убеждался, что тот действительно похож на мистера Тоуда. У Арчи были светлые редкие волосы, которым место было скорее на лобке, чем на голове. Через несколько лет он совершенно облысеет. Арчи был одет в серый костюм в белую размытую полоску, картину дополнял яркий шелковый галстук. Глаза Арчи были прикрыты небольшими овальными солнцезащитными очками – стильными до озноба.

Арчи исполнилось всего тридцать четыре года, однако он был пузат, точно вьетнамская свинья. Несмотря на это, он с легкостью обыгрывал Джона и в сквош, и в теннис, плавал быстрее его и меньше задыхался, выбравшись из бассейна. Но что действительно бесило Джона, так это то, что Арчи мог делать все это, невзирая на пачку или полторы сигарет, которые выкуривал ежедневно.

Джон всегда был одиночкой. Он шел по жизни, ведомый честолюбием, и в конце концов растерял всех друзей детства. После школы он стал изучать архитектуру в техническом колледже и, поработав несколько месяцев с компьютерными программами, помогающими проектировать здания, осознал, какой коммерческий потенциал может иметь программное обеспечение для домашних компьютеров.

После этого его жизнь была заполнена исключительно «Диджитраком», и теперь все его друзья, кроме Арчи, были связаны с его бизнесом – это получилось не специально, просто так сложилось. Похожим образом все друзья Сьюзен были так или иначе связаны с издательским делом.

Возможно, Арчи нравился Джону как раз потому, что не был похож на остальных его знакомых, и еще потому, что он не переставал удивлять его. Кроме того, Арчи происходил из хорошей семьи, окончил престижную школу и имел тот беззаботно-аристократичный вид, которым Джон втайне восхищался и который стремился обрести.

Они познакомились на скамье горнолыжного подъемника в Швейцарии семь лет назад. Оба они были честолюбивы и ценили хорошую жизнь. Хотя Арчи и происходил из богатой семьи, он сам сделал себе состояние, а не получил его в наследство. У него был набор охотничьих ружей, купленный на аукционе за пятьдесят тысяч фунтов – когда Джон услышал сумму, он чуть не упал в обморок. У Арчи было большое загородное поместье, вилла во Франции, маленький самолет и все прочее.

Арчи получал совершенно непредставимые деньги, торгуя ценными бумагами в Сити. В плохой год он зарабатывал миллион грязными, в хороший – на порядок больше. Он тратил

¹ *Мистер Тоуд, или Жаба* – персонаж сказочной повести Кеннета Грэма «Ветер в ивах».

столько, сколько мог, – какую-то часть на женщин – он был еще не женат, – но в основном на еду и игрушки.

Ресторан, в который Арчи привел Джона, был на первый взгляд способен удовлетворить его тягу к облегчению кошелька. Здешнее фирменное блюдо, называвшееся *Assiette de fruits de mer*², было подано на стол в четырехъярусной тарелке, дно которой было выложено колотым льдом, и в сопровождении целого набора столовых приборов, похожих на хирургические инструменты. Джон не был особенно голоден и, подступая к ней, ощущал себя археологом, обнаружившим замороженные волей случая свидетельства невоздержанности в еде представителей какой-нибудь древней цивилизации.

Арчи разломил крабовую клешню и обрызгал щеку Джона соком, но не заметил этого, так как был занят тем, что дожевывал остатки морской улитки и смывал их вниз по пищеводу шабли, чтобы освободить во рту место для крабового мяса. Джон украдкой вытер щеку салфеткой.

– Те моллюски – твои, – сказал Арчи. – И тот лангуст.

– Спасибо.

Джон начал чистить креветку. Ему нужно было спросить у Арчи миллион вещей, но пока Арчи был более расположен разглагольствовать о своей новой машине и этом новом ресторане, о котором он случайно узнал, чем советовать Джону, к кому стоит обратиться за финансированием. Когда Джон вскользь спросил его, не будет ли ему интересно вложить деньги в «Диджитрак», Арчи его, похоже, даже не услышал. Джон злился на себя, но понимал, что сам виноват. Не нужно было спешить. Надо выбрать подходящий момент. Возможно, вот сейчас.

Они пили уже вторую бутылку, а первая почти целиком сидела внутри Арчи.

– Я могу навскидку назвать десяток имен тех, кто может этим заинтересоваться, – вдруг сказал Арчи. – Но прежде, чем к ним идти, тебе надо разделаться с этим твоим судебным иском.

– Каким образом?

Арчи подумал и решил прежде, чем браться за краба, проглотить креветку. Он заговорил, и между губами мелькнул ее хвост.

– Заплати.

– У меня нет столько денег, и, кроме того...

– Джон, пока на тебе висит иск, от тебя будут шарахаться, как от чумного. В этом все дело. Он тебя здорово дискредитирует.

Джон вооружился сверкающим столовым прибором с крючком на конце, нерешительно пощупал им колючего морского ежа, но решил оставить того в покое. «Кое-кого из этих созданий стоило оставить на океанском дне», – подумал он. Они напоминали скорее древних мифических чудовищ, чем рекомендованные департаментом здравоохранения к употреблению в пищу морепродукты.

На Джона злобно смотрели немигающие глаза морского паука.

– У нас хорошая защита, – сказал Джон.

Арчи обезглавил очередную креветку и обмакнул ее в майонез.

– А если отпустить вожжи, утопить «Диджитрак» и начать заново с новыми инвесторами?

– «Диджитрак» – не акционерное общество, а партнерское. Он тонет – я тону. Мы потеряем дом, участок.

– Черт.

– И есть еще одна проблема.

У Арчи хватило такта перестать жевать.

– Младшая сестра Сьюзен, Кейси. Я тебе о ней рассказывал.

² Ассорти из даров моря (*фр.*).

Арчи наморщил лоб:

– Которая в Америке?

– Да. Ее содержание обходится в две тысячи долларов в месяц, и страховка истекает в сентябре.

Арчи присвистнул:

– Куча денег. Ты будешь платить за нее?

– Мы со Сьюзен.

– А ее семья в Лос-Анджелесе?

Джон улыбнулся и покачал головой:

– У них нет на это денег. Они могут обеспечить себя, но не больше.

Официант наполнил бокал Арчи и символически плеснул пару капель в бокал Джона, который был почти полон. Джон попросил еще один стакан минеральной воды. Арчи указал подбородком на шеренгу ракообразных, выстроившихся на тарелке:

– Давай ешь. Не отставай.

Джон взял себе омара. Вообще, он любил омаров, но сегодня он был настолько погружен в свои мысли, что едва замечал его вкус.

– Если «Диджитрак» не выплывет, Сьюзен придется несладко – не говоря уже о том, что у нее самой с работой не все ладно.

Арчи кивнул.

– Я позвоню сегодня кое-кому, – сказал он и перетащил к себе на тарелку большого краба.

Заглушив в себе гордость, Джон сказал:

– Арч, я тут подумал, может быть, ты сам вложишься в «Диджитрак»? Ты бы не прогадал. В течение ближайших двух лет мы планируем стать акционерной компанией.

Арчи покачал головой:

– Я, конечно, подумаю, но вряд ли. Не обижайся. Я продавец, а не инвестор. За последние несколько лет я вложил деньги в пяток фирм: в винный бизнес, шинный бизнес, сотовую компанию. Мне приходится выплачивать огромные взносы за загородный дом, а инвестиции мне ничего не приносят. У меня нет в наличии столько денег, сколько тебе нужно. – Он улыбнулся Джону. – Но если тебе придется совсем туго, дай знать. Я одолжу тебе столько, сколько нужно, чтобы ты мог хоть как-то выплыть.

– Спасибо, я очень ценю это, – ответил Джон. – Но очень не хочу, чтобы так получилось.

И Арчи, который в жизни не сделал ничего, чего бы не хотел сделать, вскрыл крабовый панцирь и сказал:

– Иногда нам приходится действовать вопреки своим желаниям.

9

– Ладно, я понимаю это вот так, – сказала Сьюзен. – Если заморозить воду, она превратится в лед. Если нагреть лед, он превратится обратно в воду. Молекулы возвращаются в исходное состояние, но все равно это происходит в линейном времени.

Она теребила этикетку на новом телефоне, который поставили в ее кабинете сегодня утром, до того как она приехала на работу. В старом, очевидно, обнаружилась какая-то неполадка, хотя вчера он работал совершенно нормально.

Лицо Фергюса Донлеви было непроницаемо, как у хорошего игрока в покер. Он сидел в кресле, сложившись в нем, как телескоп. Кабинет был крохотный и заваленный бумагами, с одним-единственным креслом и давно не мытым окном, из которого можно было увидеть крышу Ковент-Гардена.

На Фергюсе был старый твидовый пиджак, плотная рубаша, прямые джинсы и высокие черные ботинки. Его волнистые волосы с проседью небрежно разметались по плечам. Черты его лица были тонкими и острыми, а само оно отличалось особой мужественной красотой, какой обладают лица актеров из рекламы сигарет «Мальборо». Сьюзен считала, что Фергюс похож на стареющего ковбоя.

За пять лет работы в качестве его редактора она очень сблизилась с ним – в чем-то он даже заменял ей отца. Он был первым человеком, которому она позвонила, чтобы сообщить о том, что они с Джоном решили купить дом, и он одобрил выбранный ими район, хотя и предупредил, что пару десятков лет назад с экологией там было совсем не так хорошо, как сейчас.

– Если сварить яйцо... – начал Фергюс. Он всегда говорил тихо, почти шепотом, – то никаким способом его уже не сделать опять сырым. Нельзя вернуть в исходное состояние оплодотворенную сперматозоидом яйцеклетку. Вот линейность, но это пример скорее из области химии, а не физики.

Фергюс говорил спокойно, но вместе с тем убедительно, как человек, которому судьба не раз подставляла подножку, но который еще не устал жить и был по-прежнему полон энергии.

– Сьюзен, я просто хочу, чтобы читатели представили, что время – это вода. Оно может быть жидким и текучим, но также может быть твердым, как лед, и трехмерным. Это зависит от того, как мы воспринимаем его в каждый конкретный момент. Время и линейно, и статично. Это как в уравнении Шредингера – волна и частица...

Сьюзен перебила его:

– Фергюс, неужели ты считаешь, что тебе удастся довести свою мысль до простого читателя, если даже я – а я немного разбираюсь в физике – не понимаю твоей аргументации?

Предыдущие две недели Сьюзен не расставалась с рукописью Фергюса. Несмотря на то что она отчаянно переживала за Джона, который никак не мог найти новых инвесторов для «Диджитрака», она изо всех сил постаралась сосредоточиться на работе. Ее внутреннее чутье говорило ей, что рукопись в том виде, как она есть, не годится.

Она отхлебнула кофе из желтой чашки, пару лет назад подаренной ей Джоном на день рождения. На боку чашки жирными черными буквами было написано: «Вам не узнать, о чем я думаю».

– Фергюс, когда Эйнштейн опубликовал свою теорию относительности, во всем мире только пять человек смогли понять ее.

Доктор Фергюс Донлеви, профессор университетского колледжа в Лондоне, улыбнулся:

– Я слышал, что их было шесть.

– Мы же хотим, чтобы эта книга продавалась лучше, чем «Краткая история времени», и единственный способ этого достичь – сделать так, чтобы люди хоть что-нибудь в ней поняли. Я ничего не имею против твоих идей – просто ты слишком сложно их излагаешь.

Фергюс задумчиво посмотрел на Сьюзен:

– Тебя беспокоит семнадцатая глава?

Сьюзен искренне полагала, что эта книга может стать международным бестселлером. Фергюс Донлеви был авторитетным ученым, а книга обещала быть содержательной. По крайней мере, такие выводы можно было сделать после прочтения шестистраничного синопсиса. А теперь на ее столе лежала стопка из тысячи ста страниц практически нечитабельного текста. Фергюсу придется бросить все, чем он собрался заниматься следующие полгода, и переписать его. К этой мысли Сьюзен и пыталась тактично подвести Фергюса, старалась заставить его самого осознать необходимость переработки рукописи, но пока это не очень у нее получалось.

Она несла немалую долю ответственности за эту книгу: это она предложила Фергюсу написать ее, а затем убедила начальство заключить с Фергюсом контракт и вызвалась редактировать ее. Идея, заложенная в основу книги, была замечательная: Фергюс утверждал, что при помощи физики можно доказать существование Бога – или, по крайней мере, высшего разума в любой его ипостаси – и что Вселенная была создана именно таким существом высшего порядка.

В книге Фергюс развенчивал теорию Большого взрыва, показывал неспособность теории Дарвина объяснить существование человека, научно обосновывал осуществимость передвижения со скоростью большей, чем скорость света, приводил веские доказательства тому, что человечество зародилось не на Земле – что первые люди прибыли на нашу планету из космоса.

Сьюзен подумала о Джоне. У него сегодня еще одна встреча в еще одном банке, рекомендованном Арчи Уорреном. Потом он встретится с Арчи. Джон подумывал о том, чтобы собрать консорциум спонсоров, включив в него людей, уже вложивших деньги в «Диджитрак», таких как гинеколог Харви Эдисон, который исполнял роль ведущего в их лучшей серии программ. Но пока дело двигалось вяло.

Камнем преткновения был судебный иск. Джон уже получил исковое заявление от Зака Данцигера, и в нем не было ничего утешительного. Он держался молодцом, но Сьюзен знала, что шансов у него все меньше и меньше. И ко всему прочему, в «Магеллан Лоури» тоже было не все ладно: в издательстве усилилось беспокойство по поводу надвигающегося слияния.

На завтра Арчи пригласил их с Джоном в Аскот, и она ждала этой поездки, видя в ней краткую передышку в череде наполненных тревожными днями. Арчи ездил на Королевский Аскот³ каждый год, снимал целую ложу и всегда привозил с собой компанию, состоящую из влиятельных людей. Возможно, Джон найдет там кого-нибудь, кто вложил бы деньги в его бизнес, но вероятнее всего, что он только проиграет несколько сотен фунтов на тотализаторе.

По крайней мере, в обществе Арчи всегда весело. Он нравился Сьюзен – он умел ее рассмешить.

Сегодня вечером тоже что-нибудь могло получиться, так как они с Джоном были приглашены на банкет в Гилдхолле⁴. Как получилось, что их пригласили туда, ни Сьюзен, ни Джон не знали. Открытка пришла всего неделю назад, будто о них вспомнили в самый последний момент. Сьюзен полагала, что это связано с книгой об истории Востока, которую она редактировала, но точно ничего не было известно.

Подпись под приглашением вызывала уважение: мистер и миссис Уолтер Томас Кармайкл. Уолтер Томас Кармайкл считался одним из самых богатых людей Америки. Он имел

³ Имеются в виду скачки на ипподроме Аскот рядом с Виндзором, которые ежегодно проводятся в июне. На них всегда присутствуют члены королевской семьи.

⁴ *Гилдхолл* – здание ратуши лондонского Сити, известно огромным банкетным залом, в котором устраиваются официальные приемы в особо торжественных случаях.

репутацию филантропа и покровителя всяческих искусств. Поначалу Джон не слишком обрадовался приглашению, но Сьюзен убедила его поехать, указав на то, что на таких банкетах обыкновенно бывает очень много богатых людей и не исключено, что кто-нибудь из них согласится помочь ему.

Сьюзен предложила Фергюсу вместе пообедать – она подумала, что вне стен издательства ей будет проще дать понять ему о необходимости переписать книгу, а он легче это воспримет. Они сидели за столиком в большом ресторане на верхнем этаже Ковент-Гардена, ели копченого тунца, пили «Сансер» и говорили обо всем на свете, кроме книги. Фергюс рассказал Сьюзен, что с сентября этого года его дочь – он был один раз женат и развелся много лет назад – будет учиться на психолога в Герцогском университете в Северной Каролине.

– Теперь, когда вы переехали в большой дом, вы собираетесь завести ребенка? – спросил он.

– Нет. – Сьюзен видела, что Фергюс подумал, что задел своим вопросом за живое, и сказала, чтобы сгладить неловкость: – Мы Джоном решили не иметь детей. Разве я не говорила тебе этого?

Фергюс отрезал от тунца ломтик, обмакнул его в подливку, но есть не спешил. Вместо этого он проворчал что-то нечленораздельное, что можно было воспринять и как осуждение, и как одобрение. Его лицо посуровело, но голос был по-прежнему тихим и спокойным.

– Ты могла передумать. – Он поднял брови. – Ты говорила мне, что это Джон не хочет иметь детей, потому что его собственное детство было очень тяжелым. Конечно, я знал, что ты приняла его условия, но надеялся, что ты передумала.

– Нет, – неловко сказала она. Он действительно задел ее за живое. – Переезд... в этом отношении он ничего не меняет.

– Я рад, что вы с Джоном так хорошо понимаете друг друга.

Сьюзен с трудом расслышала его фразу на фоне ресторанного шума.

– Да, – сказала она почти так же тихо, как он.

Фергюс знал множество людей. Она подумала, не рассказать ли ему о затруднениях Джона, но решила, что, несмотря на их дружбу, это было бы непрофессионально. Этот обед был затеян ради книги Фергюса – не надо об этом забывать.

– Многие супружеские пары заводят детей из-за того, что им уже нечего друг другу сказать, – сказал Фергюс.

Она улыбнулась:

– Может быть.

– Хорошо, что вам с мужем еще есть что друг другу сказать. Если уж вы не надоели друг другу за семь лет, то, скорее всего, будете вместе до самой смерти.

– Вам с женой нечего было друг другу сказать? – спросила она.

Фергюс отправил кусок рыбы в рот и медленно прожевал его. Он весь внутренне осел – Сьюзен задела его старую рану.

– Было еще много других причин, – сказал он и замолчал.

Сьюзен отпила вина и решила не развивать тему.

– Я тебя никогда об этом не спрашивал, – сказал Фергюс. – Как ты справляешься с биологически обусловленным желанием стать матерью? Или у тебя нет такого желания?

Сьюзен оглядела зал ресторана, обращая особое внимание на ближние столики. Она не хотела, чтобы кто-нибудь из ее коллег хотя бы краем уха уловил какие-либо подробности ее личной жизни. За соседним столиком сидел директор по рекламе и с ним трое незнакомых ей мужчин. Они что-то живо обсуждали.

– Конечно, оно у меня есть, но я не позволяю ему диктовать мне, как жить.

Фергюс отпил вина, поставил бокал, что-то снова проворчал, затем сказал:

– Звезды властвуют над человеком, однако мудрый человек властвует над звездами.

– Хорошо сказано. Кто это?

– Фрэнсис Баррет. Это из книги под названием «Маг».

– Не знала, что увлекаешься магией.

Он наклонил голову:

– Насколько хорошо ты меня знаешь?

– Я? Не очень хорошо. Мы знакомы уже давно, но я не знаю тебя.

Он отстраненно улыбнулся:

– Насколько хорошо можно узнать кого-нибудь?

– Что ты имеешь в виду?

– Насколько хорошо ты знаешь своего мужа? Знаешь ли ты его вообще? Знаешь ли ты себя? Знаешь ли ты себя по-настоящему?

Сьюзен развела руками:

– Думаю, что да, но не уверена.

– Никто из нас не знает, на что он способен, пока обстоятельства не подвигнут его на конкретные действия. – Целясь в тунца на тарелке, Фергюс выжал из ломтика лайма последние капли сока.

– Я думала, ты ученый, – сказала она. – Магия описывает сверхъестественные явления. Как ты смог примирить в себе магию и науку?

– Артур Кларк как-то сказал, что магией можно назвать любую в достаточной степени развитую технологию. Мы называем сверхъестественным то, для чего пока не нашли объяснения.

– Ты и в самом деле в это веришь?

– Да, – сказал он.

– Ты полагаешь, что мы постепенно найдем объяснения всему?

– Да. Только не знаю когда.

– И какими они будут?

Он пожал плечами:

– Кларенс Ирвинг Льюис⁵ сказал: «Нет никаких оснований полагать, что, когда мы отыщем правду, она покажется нам интересной».

Сьюзен улыбнулась:

– Надеюсь, он не прав.

Фергюс посмотрел на нее странным взглядом:

– Думаю, это очень возможно. Что он не прав.

Сьюзен поднесла бокал ко рту.

– Ты полагаешь, что очень немногие из нас выполняют свое предназначение, так как понятия не имеют, в чем оно заключается?

Возникла долгая пауза, затем Фергюс произнес:

– Ты выступишь. Ты выступишь свое предназначение.

Он сказал это так серьезно, что ей захотелось рассмеяться, но она сдержалась – уж слишком серьезно он это сказал. А затем ей стало неуютно. Он больше не смотрел на нее, он смотрел *внутрь* ее, в какой-то скрытый от всех уголок ее души. И казалось, его поразило то, что он там увидел. Почти испугало.

По телу Сьюзен словно прошла ледяная волна.

– Что? На что ты смотришь? – спросила она.

Но он уже взял себя в руки, натянул на лицо улыбку и сменил тему разговора.

⁵ Кларенс Ирвинг Льюис – американский философ, основоположник современной модальной логики.

10

Джон не заметил ребенка на велосипеде.

Не обратив внимания на ограничение скорости в тридцать миль в час, он разогнался до пятидесяти и продолжал давить на акселератор. Ему приходилось петлять – он выбрал маршрут, который обычно позволял ему избегать пробок по пути с работы домой. Этот маршрут проходил по жилым кварталам, и ему нужно было внимательно следить за дорогой, но этому мешала скорость движения машины.

Он выпил столько спиртного, что ему вообще не следовало садиться за руль. Он возвращался с ланча, прошедшего в компании с Арчи. Ланч задумывался просто как быстрый перекус сэндвичами, но это не помешало ему в какой-то момент вдруг превратиться в настоящий обед с устрицами и шампанским вперемешку с портером. У Арчи были для Джона неутешительные известия: он не нашел ни одного инвестора для задуманного Джоном консорциума.

Пока единственным, кто дал твердое согласие на участие в нем, был Харви Эдисон, который обещал двадцать пять тысяч фунтов – в случае, если Джон найдет остальную сумму.

Чертов судебный иск. Проблема заключалась в Заке Данцигере. За ланчем Арчи в который раз сказал, что Джону необходимо как-нибудь уладить судебную тяжбу. Как будто Джон не бился над этим две последние недели. Он даже договорился о встрече с Данцигером в конторе его адвоката и во время этой встречи едва удержался от того, чтобы дать в морду высокомерному коротышке-композитору. Данцигер опоздал на час, а когда появился – проволочные, залезшие назад волосы, прихотливо подстриженная борода, пиджак с пуговицами из стразов, – то, не теряя времени, назвал Джона по очереди дерьмом, вором и капиталистическим отродьем.

Джон сказал Арчи, что, по мнению его собственного юриконсультанта, позиции Данцигера, которые на первый взгляд кажутся незыблемыми, на самом деле не так уж прочны. Есть шанс, что Данцигер со временем поймет это и дело можно будет уладить вне стен суда, заплатив несколько сотен тысяч фунтов. Эти издержки, в отличие от тех, которые возникнут в случае полноценного судебного процесса, вполне покрываются страховкой. В ответ Арчи резонно спросил, что Джон должен будет делать, если Данцигер не согласится на мировую.

Когда Джон вернулся к себе в офис, к нему в кабинет пришел Гарет. Он плохо выглядел: его трясло от нервного напряжения, он явно находился на грани очередного приступа истерики, о которых в «Диджитраке» ходили легенды. Он сказал Джону, что серьезно обеспокоен тем, как Джон в последнее время ведет дела.

Неустойчивое поведение Гарета доставляло Джону много треволений, особенно если Гарету в силу каких-либо причин приходилось самому иметь дело с каким-нибудь крупным клиентом. Однако сегодня Джон внимательно выслушал его, сознавая, что Гарет прав. Очевидно, отдел продаж жужжит о том, что он пустил все на самотек. Он не перезванивал в ответ на телефонные звонки клиентов, не отвечал на письма – одним словом, не делал ничего.

«И ведь правда, пустил все на самотек», – виновато подумал Джон. В последние две недели он занимался исключительно тем, что писал письма-предложения банкам и инвестиционным компаниям, непрерывно звонил всем, кого хоть немного знал и кто, как он думал, мог бы посоветовать ему, к кому обратиться за помощью, ездил со встречи на встречу, где ему говорили одно и то же: «Отличная компания, отличная продукция, развяжитесь с иском и приходите».

Он так и не открылся Гарету, поскольку знал, что Гарет не только тут же ударится в панику, но и разнесет новость по всему «Диджитраку» – он никогда не мог держать что-либо в секрете. Всегда, когда дело касалось бизнеса, Гарет демонстрировал, что в этом отношении

его интеллектуальный и эмоциональный потенциал несколько не больше, чем у семилетнего ребенка. У каждого гения есть свои недостатки.

Джон боялся, что, если новость узнают сотрудники фирмы, они начнут подыскивать себе новую работу, и конкурирующие компании набросятся на них, как ястребы. Конечно, скоро он сам все им расскажет – он нес моральные обязательства перед ними и чувствовал себя обязанным дать им возможность подготовиться к потере работы, если эта потеря станет неизбежной, но не мог заставить себя сделать это, пока еще оставалась надежда. А надежда еще оставалась – как же иначе? И сейчас, за рулем автомобиля, подогретый двумя или даже тремя пинтами эля, выпитыми с Гаретом, Джон почувствовал, как в нем зарождается новый заряд оптимизма.

Харви Эдисон пообещал двадцать пять тысяч фунтов, а он никак не использовал это. Ведь можно же попытаться его именем привлечь других инвесторов. Он знаменитый гинеколог. У него своя передача, она идет на Би-би-си-1 в дневное время и собирает большую аудиторию. Ведя машину, Джон стал обдумывать, как превратить известность Харви в деньги.

В ветровое стекло, словно муха, ударила одинокая капля дождя. Джон вздрогнул от неожиданности. Небо было темным, низким, тяжелым. Вечером они со Сьюзен идут на какой-то банкет. Что-то связанное с работой Сьюзен – Джон точно не помнил. Пиво всасывалось в кровь, и он пьянел все больше. Пространство перед капотом его «БМВ» потеряло перспективу и превратилось в испятнанный серым холст. На дороге возникла массивная туша грузовика. Грузовик – большой, с цельнометаллическим кузовом – стоял на обочине. Джон ехал уже со скоростью больше шестидесяти миль в час и вдруг увидел, как из-за грузовика вылетело что-то неясное, красное, блестящее – прямо наперез «БМВ».

Это было переднее колесо велосипеда.

Сьюзен обеспокоенно взглянула на часы. Было без двадцати семь, а в полвосьмого они уже должны были быть в Сити. До места не меньше получаса езды. Джон обещал вернуться домой пораньше, чтобы не пришлось спешить. Но он еще не появлялся.

Она сжала кулаки и нетерпеливо постучала костяшками пальцев друг о друга. *Ну же, Джон.* Она хотела попасть на банкет пораньше, чтобы перед ужином пообщаться с другими гостями – в этот промежуток времени вероятность того, что они смогут познакомиться с людьми, которых заинтересует «Диджитрак», была наибольшей. Они с Джоном даже заранее разработали план, следуя которому станут «обрабатывать» зал.

Согласно этому плану Сьюзен, которая была гораздо менее застенчива, чем Джон, должна прогуливаться среди групп людей, беседующих и попивающих аперитив, и завязывать знакомства. Обнаружив среди новых знакомых финансиста, она подаст знак Джону, чтобы тот подошел, представит его финансисту, а сама двинется дальше в поиске новой жертвы.

Она уже переделалась в свое черное шелковое выходное платье, видевшее уже много банкетов, праздников и вечеринок. По ощущениям Сьюзен, оно было уже старым, хотя старым не выглядело. Если повезет, сегодня вечером она не встретит никого, кто бы видел его раньше. По правде говоря, она не была даже уверена, что на банкете будет кто-нибудь, кого они с Джоном хотя бы знали.

Сьюзен решила, что сегодня будет своим видом убивать наповал, и долго подбирала себе серьги, ожерелье, брошь и туфли. Наконец она удовлетворилась результатом, решив, что выглядит стильно, но не вызывающе.

Джон, дорогой, ну поспеши же! Мы можем опоздать!

Она позвонила ему на мобильный, но тот был отключен. Она подумала, не позвонить ли мужу в офис. Но ведь он уже должен был давно выехать, разве нет?

Она сидела в гостиной, на диване, стоящем напротив мраморного камина. В который раз она восхитилась цветовым решением комнаты. Сочетание мягкого, теплого свечения белого с черным смотрелось очень элегантно. Когда на стенах здесь будут висеть картины – они соби-

рались повесить их в ближайшие выходные, – а на окнах – занавески в серую и белую полоску, которые должны привезти на следующей неделе, комната по-настоящему оживет.

«В крайнем случае, – горько подумала она, – если придется продавать этот дом, покупатели будут в восторге». Но сейчас глупо на этом заикливаться. Джону сегодня нужно ее хорошее настроение. И ей самой – тоже. Если сильно верить во что-то, можно этой верой изменить объективную реальность. Если им с Джоном удастся показать людям, что они верят, что у «Диджитрака» есть будущее, это может помочь.

Она взяла со столика последние номера «Пабблишинг ньюс» и «Букселлера», которые никогда не попадали на ее стол раньше чем через несколько дней после их доставки в «Магеллан Лоури», и стала просматривать колонки «Новости издательств» и «Перемещения сотрудников» в надежде обнаружить какую-либо новую информацию о надвигающемся слиянии, а также чтобы узнать, не получил ли кто-нибудь из ее знакомых должность, позволяющую ей рассчитывать на работу, если катастрофа все же разразится.

Затем она вспомнила, что мусор вывозят во вторник ранним утром, и опустошила все мусорные корзины в черный пластиковый мешок, который затем через кухню вынесла на улицу.

Оказывается, погода испортилась – поднялся ветер и начал накрапывать дождь. Она вдруг снова вспомнила – в который раз за день, – что сказал ей Фергюс Донлеви за ланчем.

«Ты выполнишь. Ты выполнишь свое предназначение».

Предназначение.

Он видел, в чем оно заключалось, но не сказал ей. Он вообще больше ничего не сказал по этому поводу и только уверял ее, что это глупости, не стоит и разговора, что со спокойной совестью об этом можно забыть.

Но Сьюзен не могла забыть. Она чувствовала, что интерес Фергюса к сверхъестественному гораздо глубже, чем это могло показаться. После разговора с Фергюсом в ее душе поселилось гнетущее холодное чувство обреченности, продержавшееся весь день.

Она подняла крышку мусорного ящика, и в воздух взлетел клочок бумаги, который затем упал на землю. Она подняла его и увидела, что это заполненный лотерейный билет. Она хотела уже бросить его обратно в ящик, но тут заметила, сколько их там еще. Несколько десятков.

– Боже мой.

Она вытащила несколько, стряхнув с одного яичную скорлупу. Все датированы прошлой субботой. Быстро пересчитав билеты, она пришла к выводу, что их около сорока. Один билет стоит семь фунтов, значит Джон истратил на них двести пятьдесят фунтов и ничего ей не сказал.

Она подумала, что он мог начать играть и в другие азартные игры. Эта мысль ее испугала. В первые два года их брака он раз в неделю играл в покер, но потом бросил, так как «Диджитрак» поглощал все его время и внимание. Еще Сьюзен была в курсе того, что он делал ставки – и иногда очень крупные – во время традиционного субботнего гольфа с друзьями.

Сьюзен похолодела от неожиданной мысли: неужели Джон лгал ей о причине своих финансовых проблем? Может, дело не в приостановлении банковского кредита, а в том, что он наделал долгов, играя в азартные игры?

Нет, это смешно. Она слишком хорошо знала Джона. Он любил поразвлечься, но не настолько, чтобы потерять контроль над собой.

Она снова вспомнила сегодняшний ланч с Фергюсом.

«Насколько хорошо можно узнать кого-нибудь? Насколько хорошо ты знаешь своего мужа? Знаешь ли ты его вообще? Знаешь ли ты себя?»

Она понимала, что Фергюс прав. По-настоящему она не знала Джона, и он ее, возможно, тоже. Им были доступны лишь крохи знания друг о друге – частички головоломки, из которых целостная картина складывается только по прошествии многих лет, проведенных вместе.

Неужели все пары похожи на них? Неужели все люди столь долгое время остаются друг для друга незнакомцами?

Ведущая в кухню дверь захлопнулась, и Сьюзен вздрогнула и беспокойно оглянулась вокруг, будто боялась быть застигнутой за подглядыванием. Она положила черный мусорный мешок поверх билетов и накрыла ящик крышкой.

Почему Фергюс Донлеви выглядел так странно, был таким испуганным? Сьюзен допустила на минутку, что он играет с ней в какие-то игры, но потом отбросила эту мысль: Фергюс не тот человек, который будет играть с кем-либо в игры.

Предназначение?

Что бы он ни говорил потом, он все-таки что-то увидел.

Что-то плохое.

Джон мог видеть лицо ребенка. Девочка с короткими светлыми волосами, подстриженными неровными прядями. И она не замечала его. *Она все еще не замечала его.*

Он вдавил педаль тормоза в пол. Автомобиль визжал и вибрировал, колодки противозового тормоза то схватывали, то отпускали колеса. Джон попытался нащупать гудок, не нащупал, рука беспомощно шарила по рулевому колесу.

А девочка выезжала из-за грузовика. Велосипед, казалось, занимал теперь всю проезжую часть.

Заполнял собой все пространство перед ветровым стеклом автомобиля.

У Джона не было времени на обдумывание, только на действие. От визга шин об асфальт у него заложило уши. Он мельком заметил стоящий на другой стороне дороги прицеп, нагруженный битыми гипсокартоновыми плитами.

Девочка увидела его. Ее рот открылся, глаза остекленели. Она нажала на тормоза и остановилась посреди дороги, поставив ноги на асфальт. Она остановилась посреди дороги, а он летит прямо на нее.

Черт, уйди...

Джон резко вывернул руль, и машину бросило в сторону. Грузовик исчез из поля зрения, затем появился снова – близко, слишком близко. На мгновение у Джона возникла иллюзия, будто на самом деле сам он не движется – это грузовик скользит к нему, будто по льду.

Он почувствовал удар до того, как услышал его, до того, как смог вывернуть руль в обратную сторону. Машину отбросило назад, как автомобильчик в детском аттракционе. Страшный громкий металлический лязг ворвался в его уши.

Затем тишина.

Джона трясло, он лихорадочно старался сориентироваться, в какую сторону направлен нос автомобиля, понять, где девочка.

Господи, да где же она?

Он увидел ее в зеркало заднего вида. Она слезла с велосипеда и стояла, держа его одной рукой и глядя в сторону Джона. На ее лице нельзя было различить никакого выражения: ни ошеломления, ни облегчения, ни удивления – ничего. Пусто.

Он не задел ее.

С ней все в порядке.

Он въехал в грузовик.

Мозг Джона работал вспышками, обрабатывая разрозненные частицы информации. Грохот. Люди должны были услышать грохот. Сейчас они начнут выходить из домов и собираться вокруг места происшествия. Почему они не выходят? На улице никого. Только тишина и девочка, смотрящая на него пустыми глазами.

Затем он вспомнил, что пьян, и его охватила паника.

«Надо выйти и удостовериться, что с ней все в порядке», – решил он и попытался открыть дверь, но ее заклинило. Он расстегнул ремень безопасности, оттянул ручку и налег на дверь всем весом. Она подалась.

Джон выбрался из машины и встал нетвердыми ногами на дорожное покрытие. Девочка по-прежнему стояла, придерживала рукой красный велосипед и не сводила с него глаз. У Джона закружилась голова, он прислонился к борту машины и с ужасом посмотрел на то, что когда-то было передним крылом «БМВ» и дверью со стороны водителя: рваный, мятый, искореженный металл. Внешняя обшивка двери была вскрыта, словно консервная банка, и в зияющей дыре виднелась электропроводка и часть механизма стеклоподъемника.

– С тобой все нормально? – прокричал он девочке.

Она кивнула – один раз, коротко.

Задний бампер торчал в сторону, как закрылок. Джон попытался вернуть его на место, но у него ничего не получилось. «Алкоголь, – подумал он. – Надо выбираться отсюда». Он толкнул сильнее, но бампер не двигался. В панике он налег всем телом, и бампер согнулся. Не совсем до конца, но сойдет. Кто-то уже бежал к Джону.

Джон тоже решил бежать. Выбираться отсюда, пока не приехала полиция.

Он бросил последний взгляд на грузовик, сел в «БМВ» и завел двигатель.

В зеркало заднего вида он увидел, как бегущий человек остановился, помедлил, затем достал что-то из кармана – наверное, записную книжку или мобильный телефон.

Джон врубил скорость, нажал на газ. Автомобиль сорвался с места резче, чем он рассчитывал.

11

Когда Джон появился в дверях, он был похож на привидение.

Сьюзен даже на расстоянии почувствовала запах алкоголя. Обнимая ее, Джон пошатнулся, и ей пришлось отступить, чтобы им не упасть.

– Прости... опоздал, – сказал он.

Его лицо было влажным от пота.

– Джон, – сказала она. – Дорогой.

Ей было больно видеть его в таком состоянии, видеть, как человек, которым она так гордилась, опускается и теряет лицо. Это пугало ее. Его внутренний стержень, который она всегда считала сверхпрочным, рассыпался, и ее жизнь рассыпалась вместе с ним.

Сильно ли он пьян?

– Джон, ты сможешь пойти на банкет?

Он ничего не ответил.

– Я положила тебе смокинг, рубашку и несколько пар носков на кровать и поставила рядом твои лакированные ботинки.

Он отстранился от нее, сел на нижнюю ступеньку лестницы и обхватил голову руками. Некоторое время он молчал, затем сказал сдавленным от волнения голосом:

– Я чуть не убил ребенка.

Спина Сьюзен покрылась гусиной кожей.

– Что ты имеешь в виду? Что случилось? Когда? Как?

– Только что. Я ехал слишком быстро. Как глупо.

– С ребенком все нормально?

– Да.

– Ты не сбил его... ее?

– Не сбил.

– Джон, – тихо сказала она, – тебе надо собраться. Все будет хорошо, мы обязательно преодолеем это.

Он взглянул на нее снизу вверх – сам совсем как ребенок – и кивнул.

Сьюзен решила, что он не так много выпил, как ей показалось вначале. Похоже, он был ошеломлен настолько же, насколько пьян. Она с беспокойством подумала, что нельзя позволять ему распускаться и искать оправдания тому, чтобы не выходить в свет: это может стать началом конца. Он должен взять себя в руки, и она была единственным человеком, который мог заставить его сделать это.

– Мы так рассчитывали на этот банкет. Ты сказал, что там можно будет завязать полезные знакомства...

– Я знаю, – перебил он ее, – но...

– Мы договорились, что пойдем.

– Мне нужно принять душ.

Она посмотрела на часы:

– У нас нет времени. Просто умойся и переоденься. Ну же, это ради нас обоих.

– Я не могу вести машину. Вызовем такси?

– Я сама поведу, – сказала она. – Нам нужно экономить. Можно сохранить кучу денег, если внимательнее к ним относиться.

– Прекрати.

– Джон, поднимайся. Ты же не хочешь, чтобы этот Клэйк пустил нашу жизнь под откос?

Джон посмотрел на нее, и было видно, что она достучалась до него. Имя Клэйка загло в нем искру упрямства – это было видно по его лицу.

– Ну вот. А сейчас мне так не кажется. Сейчас Клэйк тебя успешно топит в грязи. Борись с ним. Джон, всегда помни, что, даже если мы потеряем твой бизнес, дом, все, что имеем, мы все равно не позволим Клэйку победить, потому что по-прежнему будем любить друг друга. Этого он никогда не сможет забрать у нас. Понимаешь?

– Я... извини, – сказал Джон. – У меня был кошмарный день. Никакого улова. Вообще.
– Расскажешь мне об этом в машине, – ответила она.

Через пятнадцать минут Джон спустился вниз. Она взяла ключи от его машины со столика в холле, где он оставил их после прихода. Он поспешно сказал:

– Давай возьмем твою машину. Ее легче парковать.

Сьюзен удивилась тому, что он не хочет ехать в своей машине, но, обойдя «БМВ» и увидев его правый борт, поняла, в чем дело.

– Что случилось?

По дороге он подробно ей все рассказал. Она спокойно выслушала, затем посоветовала уснуть хотя бы на несколько минут, сказав, что разбудит, когда они доберутся до места. Но на самом деле она испугалась и решила не говорить ему, что знает о лотерейных билетах, понимая, что осуждением ничего не добьется. Она возлагала большие надежды на сегодняшний банкет, хотя и не могла бы объяснить почему.

Даже если их пригласили в последний момент или по ошибке, стоит максимально использовать эту неожиданно подвернувшуюся возможность. В конце концов, что они теряют?

Сьюзен вела машину как могла быстро, и они приехали в Гилдхолл всего лишь на двадцать минут позже назначенного времени. Джон сказал, что это даже престижно.

Они вручили свои приглашения облаченному в ливрею церемониймейстеру, который провел их в банкетный зал, уже заполненный, и объявил их приход. Никто его не слушал. Хозяева банкета, мистер и миссис Уолтер Томас Кармайкл, предположительно находились в какой-либо части этого просторного зала, изысканно украшенного резьбой, изящными статуями и гербами. Огромные люстры добавляли месту величия.

При виде такого великолепия уверенность покинула Сьюзен. Почти все здесь были старше, чем они с Джоном, и, кажется, были хорошо друг с другом знакомы.

Джон едва мог передвигаться. Спирт и адреналин стремительно улетучивались из его крови, оставляя после себя тупую головную боль и жажду. К ним подошла официантка с подносом, на котором стояло разлитое по бокалам шампанское и минеральная вода. Джон знал, что лучше выпить воды, но выбрал бокал шампанского, осушил его и взял с подноса второй прежде, чем официантка успела отойти.

– Джон... – сказала Сьюзен.

Он почувствовал себя более уверенно и попытался съязвить:

– Тоже мне, банкет – хозяева даже не озаботились встретить гостей. Непонятно, зачем мы вообще сюда пришли.

Сьюзен обвела зал глазами в надежде, что увидит писателя, чью книгу об истории Востока она редактировала шесть лет назад. Затем повернулась к Джону:

– Думаю, ужин не заставит себя ждать. Может быть, пройдемся, познакомимся с кем-нибудь?

Он махом выпил почти весь бокал.

– Конечно, пойдём.

И они смешались с толпой. Обходя официанта, держащего поднос с канапе, он взял и съел подряд три завернутые в бекон устрицы. Оглянувшись, он обнаружил, что Сьюзен исчезла. Он допил шампанское и пересекся взглядом с высоким импозантным мужчиной, держащимся в стороне от толпы.

Мужчина улыбнулся.

– Красивое место, – сказал Джон.

Незнакомец ответил:

– Да, очень приятное место. – У него оказался звучный бархатный голос с едва заметным иностранным акцентом.

Они стояли в одном из красивейших банкетных залов Великобритании – здесь любила ужинать королева-мать, – но Джон уловил в реплике незнакомца нотку снисходительности, будто тот привык быть окруженным куда более роскошной обстановкой.

Против обыкновения, Джон не смог придумать, как продолжить разговор. Он разглядывал своего собеседника, гадая, сколько ему лет, и неожиданно затруднился определить точный возраст; около шестидесяти или даже больше. У него было красивое аристократическое лицо, вытянутое, на взгляд Джона, чуть больше, чем надо; блестящие темно-русые волосы, посеребренные на висках и волосок к волоску зачесанные назад; серые глаза, пронизательные, живые, наблюдательные, с огоньком иронии на дне зрачков. Он держался как человек, знающий себе цену и ни от кого не зависящий, и в то же время его осанке была свойственна некая старомодная элегантность, какую, наверное, можно было увидеть у какого-нибудь придворного, жившего лет двести назад. На нем был отороченный бархатом смокинг – Джон немедленно захотел себе такой же, – а по сравнению с его галстуком-бабочкой галстук Джона выглядел купленным на барахолке.

– Вы хорошо знаете Кармайклов? – наконец спросил Джон и взял с подноса еще шампанского.

– Мы знаем друг друга давно, – вежливо, но отстраненно ответил мужчина. Его глаза обежали зал, будто он искал себе более интересную компанию.

– А-а. – Джон подавил желание ополовинить бокал и сделал маленький глоток. Он знал, что ему необходимо выяснить, чем занимается этот человек, но он не мог привлечь его внимание.

После автомобильного происшествия Джон словно отупел: следующая фраза диалога никак не придумывалась. Джон оглянулся вокруг в поисках Сьюзен.

– А вы сами? – все так же отстраненно произнес незнакомец. – Вы хорошо знаете Уолтера и Шарлотту?

– Э... нет. Моя жена работает в издательстве... она редактировала книгу... история Востока. И поэтому мы... нас пригласили.

Незнакомец склонил голову и сказал с вежливой улыбкой:

– Очень приятно было с вами познакомиться. А теперь, если вы меня извините, мне нужно разыскать кое-каких знакомых – до того, как все сядут за стол.

Мужчина с седыми висками скрылся в толпе, а Джон выругался. *Где же, черт возьми, Сьюзен?*

Он огляделся, но не увидел ее. Тогда он попробовал проникнуть в гущу толпы, но путь ему преградила непроницаемая стена беседующих друг с другом людей. Пару минут он простоял возле троих мужчин, обсуждающих цены на акции, но ему не удалось привлечь к себе их внимание, и он двинулся дальше.

В стороне Джон заметил группу людей, которые читали что-то вывешенное на стене. Он подошел ближе и увидел, что это схема размещения гостей за столом. Маневрируя, он подобрался поближе к схеме и отыскал свое место и место Сьюзен. Их посадили за разные столы, и Джон был рад этому: так у них повышались шансы завязать с кем-либо знакомство.

Его стол был помечен как номер четвертый. Слева от Джона будет сидеть леди Траутон, справа – мистер Э. Сароцини. Ни то ни другое имя Джону ничего не говорило. Он уже собрался продолжить искать Сьюзен, когда раздались три удара гонга и громкий голос объявил, что ужин подан.

Четвертый стол располагался в дальнем конце зала. Леди Траутон уже сидела на своем месте. Это была старуха в очках с затемненными стеклами. На приветствие Джона она не ответила. «Не слишком хорошее начало», – подумал Джон. Он взглянул на пустующее место справа и надеялся, что его сосед, кем бы он ни был, составит ему более приятную компанию.

Он взял со стола меню и получил кивок от сидящего напротив тучного господина, ведущего оживленную беседу со своей соседкой – женщиной с волосами цвета стали. В меню было представлено несколько сортов хорошего вина и детально описаны шесть главных блюд, список которых оканчивался острой послеобеденной закуской под названием «Ангельские всадники». Речи в программе банкета не значились, а там, где обычно указывают, по какому поводу был организован данный обед, было золотыми буквами напечатано: «Обед, устроенный мистером и миссис Уолтер Томас Кармайкл».

Джон положил меню обратно на стол. Краем глаза он заметил, что место справа уже занято, повернулся, чтобы поприветствовать нового соседа, и немедленно спрятал свое разочарование за улыбкой.

– Итак, мы снова встретились, – сказал мистер Сароцини и взглянул на лежащую на столе карточку с именем Джона. – Мистер Картер. Очень приятно.

Формула вежливости была произнесена.

Джон улыбнулся и леди Траутон, но та не ответила. Он попытался представиться, но дама отнеслась к нему с подозрением.

– Вы знакомый Уолтера и Шарлотты? – с пренебрежением спросила она.

– Нет, – ответил он. – А вы?

Официанты поставили на стол большое блюдо с копченой семгой, искусно разложенной вокруг муссового озера. Рука в перчатке налила в бокал Джона белого вина. Появилась корзина с роллами, от которых леди Траутон отказалась взмахом руки. Затем она повернулась к Джону.

– Расскажите мне, – сказала она, – о ваших взглядах на безработицу.

Джон, не ожидавший вопроса, задумался, разворачивая маленький брикетик масла.

– Она будет возрастать, – сказал он. – Технический прогресс...

Жестом она заставила его замолчать:

– Простите, но я не собираюсь одновременно есть и говорить.

Джон положил в рот семги и запил ее белым вином «Батард Монтраше» урожая 1982 года, как было указано в меню. Затем покосился на мистера Сароцини, который к еде еще не притронулся.

Не глядя на Джона, тот спросил:

– Вы пришли один или с женой?

Джон отыскал глазами стол, за которым сидела Сьюзен, и показал на нее мистеру Сароцини.

– Весьма красивая молодая леди, – сказал мистер Сароцини.

– Спасибо.

– Как долго вы женаты?

– Семь лет.

Их снова разделил занавес молчания. Через некоторое время, которое Джон употребил на жевание, он спросил:

– А вы? Вы женаты?

Мистер Сароцини ответил медленным кивком:

– Да.

– Ваша жена сегодня здесь?

В глазах мистера Сароцини промелькнула грусть. Он сказал:

– К сожалению, нет.

Джон рассудил, что мистер Сароцини не хочет говорить о своей жене. Наверное, они в разводе или она больна. Джону стало жаль его.

– У вас есть дети?

Мистер Сароцини отломил кусочек ролла и тщательно намазал его маслом. Его руки с длинными элегантными пальцами чуть дрожали. Казалось, они принадлежат более старому человеку.

– Нет. У нас нет детей. – Его глаза затуманились. – А вас Бог благословил ими?

– Нет. Более того, я не уверен, благословение ли это или проклятие!

Мистер Сароцини никак не отреагировал. Испытывая неловкость, Джон поднял бокал с вином и поднес его к губам, но обнаружил, что тот пуст, и поставил бокал на место. Он и не подозревал, что пьет так быстро.

Он посмотрел в сторону леди Траутон, которая занималась тем, что нарезала семгу маленькими ровными квадратиками.

– Во всем виноваты цветные, – вдруг заявила она.

Джону стало любопытно, с кем это она говорит, но тут он вдруг понял, что она обращается к нему.

– Простите?

– Не надо было разрешать им водить наши автобусы в пятидесятых. А теперь они все заполнили. Поглядите только, что Маунтбаттен⁶ наобещал Индии. Сейчас ни одной газеты у белого купить нельзя.

Джон подумал, с одной ли они планеты с этой старухой. Знание о том, что с одной, вселяло тревогу.

Мистер Сароцини был поглощен беседой со своим соседом справа. Джон в молчании ел рыбу, а леди Траутон продолжала нарезать свою квадратиками, лишь время от времени кладя какой-нибудь кусочек в рот.

– Благословение, – вдруг сказал мистер Сароцини. – Дети – это определенно благословение.

Появился суп в серебряной супнице. Мистер Сароцини вежливо подождал, пока обслужат Джона, затем попробовал суп и, похоже, нашел его недурным. На его зубах хрустнул греенок.

– Да, дети. Мы все должны помнить, мистер Картер, что мы не унаследовали Землю от предков, а взяли ее взаймы у потомков.

Джон чувствовал к мистеру Сароцини все большее расположение.

– Извините, могу я вас спросить... какова цель этого ужина? Мы с женой, к сожалению, не в курсе.

– Просто Кармайклы любят собирать общество, – ответил мистер Сароцини. – Они всегда, когда бывают в Лондоне, устраивают небольшой банкет для друзей. А сейчас они в Лондоне – как вы понимаете, из-за Аскота. Но вы знаете, – добавил он, – таким людям, как они, не нужно особенного предлога, чтобы устроить званый обед.

– Да, – согласился Джон. Он старался произвести впечатление человека, принадлежащего к кругу Кармайклов.

– Играете на скачках? – спросил мистер Сароцини.

– Да. Предпочитаю гладкий сезон.

– Ну конечно. В скачках с препятствиями... – он махнул рукой, – как бы помягче... отсутствует изящество. Вы были сегодня в Аскоте?

⁶ *Луи Маунтбаттен* – последний вице-король Индии до объявления ее независимой державой и ее первый генерал-губернатор.

– Нет. Поеду завтра. – Джону не пришлось врать, и он был благодарен за это Арчи, который пригласил его на скачки.

Подали баранину. Разговор перескочил на путешествия: оказалось, что у мистера Сароцини есть дома в Швейцарии, Америке и Англии; он очень хорошо знал Калифорнию, и в частности лос-анджелесский район Венис-Бич, где выросла Сьюзен.

– Как вы встретились с вашей очаровательной женой? – спросил Джона мистер Сароцини.

– В Калифорнийском университете в Вествуде. Я читал доклад на конференции по онлайн-публикациям, а Сьюзен была ассистенткой у одного из делегатов от «Тайм Уорнер».

– Синхронистичность, – сказал мистер Сароцини и загадочно посмотрел на Джона. – Вполне возможно, вы были созданы друг для друга и не могли не встретиться.

– Моя жена увлекается Юнгом. Она верит в синхронистичность.

– Вам знакома древняя китайская поговорка: «Услышав – забудешь, увидев – запомнишь, сделав – поймешь»?

– Нет, – ответил Джон. – Но она мне нравится.

– Надеюсь, она понравится и вашей жене, – сказал мистер Сароцини.

– Да, думаю, понравится. – Последняя реплика мистера Сароцини слегка удивила Джона.

Он отрезал ломоть баранины, положил его в рот и запил вином «Мутон Ротшильд» урожая 1966 года. Его бокал был тут же наполнен снова.

Казалось, что чем больше Джон сегодня пил, тем бодрее и живее становился. Теперь он наслаждался беседой с мистером Сароцини. Они говорили о том о сем, но ни один из них еще не спросил другого, чем тот занимается. У Джона появилось чувство, что мистер Сароцини может помочь ему, если он правильно разыграет карты, и поэтому Картер намеренно избегал разговоров о бизнесе, чтобы не показаться навязчивым.

– Ваша жена, – вдруг сказал Сароцини, – ей не кажется иногда трудной жизнь без детей? Ей, должно быть, встречаются люди – например, на таком обеде, как этот, – которые делают в отношении ее бестактные, причиняющие ей боль замечания.

– Да. Но она всегда держится молодцом.

– У нее ведь нет никакой патологии, препятствующей беременности?

– Мы никогда не проверяли этого. – Джон покосился на леди Траутон. Старуха нарезала баранину квадратиками и была полностью поглощена этим занятием.

– Простите, что заговорил на такую деликатную тему, – сказал мистер Сароцини. – Я знаю этот свой недостаток.

– Ничего. – Джон улыбнулся. – У вас с женой это тоже было сознательным решением – не иметь детей?

Вопрос Джона вернул выражение печали на лицо мистера Сароцини. Джон даже пожалел, что задал его.

– Да, – ответил Сароцини. – Да, это было сознательным решением, – повторил он, словно эхо, и, казалось, в мгновение ока постарел лет на десять.

За французским пирогом мистер Сароцини наконец спросил, что за бизнес у Джона, и Джон начал рассказывать о своей фирме сначала в общем, а когда увидел, что собеседник заинтересовался, то углубился в детали. К тому времени как стали разносить портвейн и сыры, Джон уже подробно пересказывал ему свою встречу с Клэйком.

Сароцини отнесся к затруднениям Джона с неожиданным сочувствием и даже сказал Джону, что относится с презрением к крупным банкам.

– Знаете, – с горькой улыбкой сказал он, – такой банк может дать денег только в одном случае: если вы докажете им, что они вам совершенно не нужны.

Джон улыбнулся и произнес то, что долгое время вертелось у него на языке:

– А вы чем занимаетесь?

Мистер Сароцини улыбнулся в ответ.

– Я банкир, – сказал он.

Джон положил сверхчеловеческие усилия на то, чтобы воодушевление, которое затопило его, не отразилось на лице.

– В самом деле? – сказал он. – И... в каком виде банковской деятельности вы специализируетесь?

Мистер Сароцини вручил Джону визитную карточку. На ней было напечатано: «Ферн-банк. Э. Сароцини. Директор».

И ниже номер абонентского почтового ящика в Цюрихе.

Джон внимательно изучил карточку. Что-то с ней было не так.

– Где же телефонный номер? – спросил он.

– Мы сами выбираем, с кем нам говорить, мистер Картер. Мы очень осторожны в завязывании новых контактов. Мы работаем в основном с компаниями, специализирующимися в информационных и биотехнологиях. Возможно, нам стоит как-нибудь продолжить наш разговор.

Джон вытащил свою визитку.

– Да, – сказал он. – Спасибо. Это было бы замечательно.

12

В доме Картеров было тихо. Кунц, надев на голову наушники, в который раз просканировал каналы. В кухне слышался гул компрессора холодильника, но во всех остальных комнатах царила тишина.

Но даже эту тишину было приятно слушать, потому что это была *тишина Сьюзен Картер*.

Картеры все еще оставались на банкете, устроенном мистером и миссис Уолтер Томас Кармайкл. Кунцу было любопытно, как у них там дела. Мистер Сароцини также присутствовал на банкете, но Кунц не знал, что тот собирался предпринять. Иногда мистер Сароцини не полностью раскрывал свои планы, оставляя Кунца в неведении относительно некоторых деталей и будто дразня его. Мистеру Сароцини нравилось дразнить Кунца, и Кунц не возражал против этого. Будучи знаком с мистером Сароцини много лет, он прекрасно понимал, что тот ничего не делает без причины и что со временем все, как всегда, станет ясно.

Он продолжал вслушиваться в темноту, наполненную Сьюзен Картер, представляя в уме точное местоположение каждого предмета в той круглой спальне-башенке, сочившейся ее запахами.

В квартире Кунца, расположенной на верхнем чердачном этаже дома на Пембрук-роуд, также было тихо. Все стены, пол и потолок в ней были выстелены звукопоглощающим материалом. Комната под карнизом – его аппаратная, в которой он сейчас сидел, – не имела окон; ее уединенность можно было сравнить только с уединенностью могилы.

В Лондоне Кунц чувствовал себя одиноко. Он скучал по своей квартире в Женеве – единственному дому, который ему когда-либо принадлежал, – и чувствовал тревогу, находясь так далеко от мистера Сароцини. Хотя в действительности он никогда не находился по-настоящему далеко от мистера Сароцини. Расстояние как физическая величина не имело ровно никакого значения для их взаимодействия, потому что, где бы Кунц ни был, мистер Сароцини всегда был рядом. Он присутствовал в его мозгу, читал его мысли, большую часть времени лишь наблюдая и предоставляя ему самому принимать решения, но иногда вмешиваясь и наставляя его. Из любой точки мира мистер Сароцини мог в любой момент проникнуть Кунцу в голову и манипулировать им.

И Кунц не был против. Наставления мистера Сароцини всегда были в высшей степени разумны. Он никогда не ошибался. В глубине души Кунц знал, что жизнь его может быть посвящена только одной цели – служению мистеру Сароцини.

Он готовился к этой роли, сколько себя помнил. Самые ранние его воспоминания были связаны со старинным замком на Женевском озере, который он редко покидал до достижения совершеннолетия: в основном для сопровождения мистера Сароцини в его поездках. С самого детства мистер Сароцини внушал Кунцу, что он пришел в этот мир во имя более великой цели, чем простые смертные, и Кунц воспринял это как аксиому.

И теперь он был здесь, в Лондоне, и смертельно боялся того, что не справится с этим важным заданием. Его не пугала боль, которую мог наслать на него мистер Сароцини, – по-настоящему он страшился только отлучения от него.

Но пока все шло хорошо, мистер Сароцини был доволен первыми результатами, и доволен больше, чем Кунц смел надеяться. Он ощущал в комнате его присутствие: его благодетель, там, на банкете, думал о нем. Впитав теплые вибрации, Кунц почувствовал, как одиночество отпускает его, и ощутил прилив благодарности мистеру Сароцини за эту демонстрацию доброго отношения.

Кунц сосредоточился на том, чтобы послать патрону свою благодарность. Мистер Сароцини учил его, что мысли способны преодолевать пространство и что при должном навыке можно манипулировать умами других людей.

Он не знал, достиг ли мистера Сароцини его сигнал. Он вдруг задумался, как близко находится мистер Сароцини к Сьюзен Картер и может ли он ощущать ее запах. Затем он взял в руки книгу, «Илиаду» Гомера на греческом – мистер Сароцини всегда говорил, что книги надо читать на языке оригинала и никогда в переводе, – и начал читать.

Вот по чему еще он скучал в Лондоне – по своим книгам. Обширная библиотека в доме мистера Сароцини была вся доступна ему, и он прочел под руководством мистера Сароцини каждый том из нее. Его собственная квартира была буквально забита книгами. Кунцу было жаль оставлять их. Он ценил их гораздо больше, чем людей; для него они были проекциями мира, прошлого, настоящего и будущего, и на основании их он был в состоянии выковывать собственное понимание его.

Иногда он воплощал это понимание в изошренных рисунках, выполненных аэрографом. Он был искусным художником. Мистер Сароцини часто хвалил его работу, и Кунц гордился этим.

Еще ему не хватало спортзала, где он ежедневно тренировался; и особых мюсли с голубикой, которые подают только в кондитерской на улице Конфедерации – там он обычно завтракал; и прохладного ветра с озера; и его черного «Мерседеса SL600» – но он понимал, что в Лондоне этот автомобиль слишком бросался бы в глаза, в то время как ему не следовало привлекать к себе внимания.

И еще гардероба. В гардеробной у Кунца висело несколько дюжин сшитых на заказ костюмов из шерсти, шелка и льна лучших сортов, на полках, несчитанные, лежали дорогие рубашки, на полу выстроились длинные ряды сделанной в лучших мастерских разнообразной обуви. Мистер Сароцини научил его ценить качество, уделять внимание мелочам. Кунц носил только лучшую одежду, и его чемоданы были также высочайшего качества: изумительная кожа, ручная работа, все чемоданы выполнены в одном стиле.

Когда Сьюзен Картер оставила его одного в спальне, он обыскал шкаф и комод и отметил, что у Джона Картера все костюмы от известных брендов: «Босс», «Армани», «Конран». Кунцу больно было думать, что Сьюзен Картер позволяла проникать в себя человеку, который покупает готовую одежду. Она заслуживала лучшего. На ум ему пришли слова Двадцать четвертой истины: «Посредственность не может увидеть ничего, что хоть немного выше ее. Гениальность распознается только талантом».

Дом мистера Сароцини посещали многие богатые, значительные и известные люди: главы государств, министры, сенаторы, члены королевских фамилий, кинозвезды, ученые, крупные промышленники. Мистер Сароцини заставлял Кунца представлять, как эти люди сидят на унитазах, испражняются, затем вытирают задницу. Он хотел, чтобы Кунц понял, что богатство, титул, общественное положение или известность возвышают человека над прочими только в некоторых отношениях, а не во всех.

Со Сьюзен Картер дело обстояло по-другому. Совсем по-другому.

Кунц вдруг обнаружил, что думает о Клодии, и допустил, что мистер Сароцини вложил эту мысль ему в голову, чтобы отвлечь от Сьюзен Картер. Кунцу иногда трудно было отличить свои собственные мысли от тех, что были вложены ему в голову мистером Сароцини.

Клодия. Он представил себя с ней в своей квартире, как он занимается с ней чем-нибудь грязным. Она любила делать что-нибудь грязное. До того как он пришел в дом Сьюзен Картер, ощутил ее присутствие, вдохнул ее ароматы – он скучал по Клодии. А с этого момента – перестал.

На небольшом столике рядом с ним лежал конверт, в котором был билет на «Дон Жуана», воскресный спектакль в Глайндборне. Это был подарок ему мистера Сароцини за хорошую работу. Он подумал, как хорошо было бы пойти вместе со Сьюзен, а после заняться с ней любовью, чувствуя, как в их телах плещется энергия оперной музыки.

Но это невозможно.

– Сьюзен, – прошептал Кунц.

Сьюзен смотрела на него с каждой стены. Он сделал эти фотографии в течение тех трех незабываемых дней, когда работал в ее доме, с помощью небольшой камеры, спрятанной за бейджем «Бритиш телеком» на его униформе.

Зерно на фотографиях было крупным, и это раздражало его. На них Сьюзен не двигалась, и это тоже его раздражало. Он желал видеть Сьюзен Картер в движении, желал видеть ее раздетой, желал видеть, как она проделывает со своим мужем что-нибудь грязное.

Ему был нужен – хотя и не необходим – предлог ненавидеть ее мужа еще больше, чем он его уже ненавидел.

Он переключил канал и послушал свою квартиру в Женеве. В гостиной были слышны голоса – телевизор. Он отрегулировал фильтр, и звук от телевизора угас. Он прислушался к тому, что осталось, в поисках любого намека на то, что у Клодии может находиться мужчина.

Кунц проверил спальню, но ничего не услышал. Он тронул клавиатуру, и экран компьютера ожил. На нем возникла его любимая цветная фотография Клодии: обнаженная, с раскинутыми в стороны ногами, она сидела в кресле и смотрела в камеру. Он представил, что это не Клодия, а Сьюзен Картер.

Он взял телефон и набрал номер. Клодия ответила. Он представил, что разговаривает со Сьюзен Картер.

– Чем ты занимаешься? – спросил он.

– Смотрю телевизор.

– Что на тебе надето?

– Немногое. – Она поддразнивала его.

– Чем ты пахнешь?

– Тобой, – сказала она.

– Хочу увидеть тебя, – сказал он.

– Я тоже хочу увидеть тебя.

Введя в компьютер команду, он вышел в Интернет. На экране возникло другое изображение: пустое кресло. Через секунду в кадр вошла обнаженная Клодия. Она села в кресло. Технология еще не была доведена до совершенства: он мог наблюдать за Клодией в реальном времени, но двигалась она рывками, как в замедленной съемке, – отдельным кадрам изображения требовалось некоторое время на то, чтобы попасть из Женевы в Лондон.

Кунц смотрел на раздетую Клодию. Длинные темно-русые волосы рассыпались у нее по плечам. Она смотрела прямо на него, зная, что он видит ее. Она не знала, что вместо нее он видит Сьюзен Картер.

– Прикоснись к себе, – сказал он.

Она исполнила просьбу. Рваные кадры добавляли движениям чувственности. Он видел, как ее пальцы скользнули в промежность, как мечтательно она завела глаза, и подумал, как бы это делала Сьюзен Картер.

Губы Клодии задвигались – она говорила с ним. *Да, говори со мной, Сьюзен, милая, говори со мной.*

– Теперь дай мне увидеть себя, – сказала Клодия.

13

Джону было дурно. Он чувствовал свинцовую тяжесть в теле и яростную боль в голове. Портвейн всегда так на него влиял, а вчера на банкете он здорово перебрал.

Сегодня, следуя совету своего бухгалтера, он встретился со специалистом по банкротству и сейчас говорил с ним по телефону. Тот сообщил Джону неутешительные новости: если банк завинтит пробку, Джону не удастся спасти многого из своего бизнеса. Если бы Джон озаботился хотя бы год назад, он мог бы создать отдельную компанию и начать сливать бизнес в нее. Но он не сделал никаких приготовлений.

Мрачный словно туча, он положил трубку. Секретарша принесла ему вторую чашку кофе и, ставя ее на стол, посмотрела на него странным взглядом. Подслушивала? Стелла отнюдь не была глупой, она понимала, что в фирме что-то неладно, но, будучи очень тактичной, ни разу ни о чем не спросила.

Она была с ним с самого начала, еще с того времени, когда они занимали крохотный офис над маленьким зоомагазином, а Гарет приходил только по вечерам, так как днем работал специалистом по компьютерной графике в архитектурной фирме. Стелла была яркой, эффектной девушкой. В ней удачно сочетались миловидность и элегантность. У нее были темно-русые, коротко стриженные волосы и невыносимый бойфренд – вечно не получающий ролей актер с самомнением размером с Атлантический океан. Она точно не останется без работы, пока существуют бизнесмены с мозгами, но потерять ее было для Джона равносильно удару под дых.

Скоро он расскажет все Гарету и остальным сотрудникам. Пока что единственным человеком в фирме, кто знал, был финансовый контролер – тихая, исполнительная, добросовестная женщина по имени Джанет Пеннингтон. Она подготовила финансовую информацию для отсылки в банки и инвестиционные компании, и он знал, что может на нее положиться.

До истечения назначенного Клэйком срока оставалось тринадцать дней. И вчера вечером блеснул тонкий луч надежды: швейцарский банкир со странной фамилией.

– Как ваша голова? – спросила Стелла.

– Плохо. – Головная боль была неотъемлемой частью его жизни, но сегодняшняя была матерью их всех.

– Перед тем как вы уйдете, я дам вам две таблетки парацетамола.

Было без четверти десять. Через час он планировал уехать из офиса, попасть домой, переодеться и поехать со Сьюзен к Арчи в Аскот.

Он был рад, что проведет день вне офиса – все равно в таком состоянии он много бы не наработал. К тому же Сьюзен была права: кто-нибудь там может заинтересоваться «Диджитраком». Вчерашний банкир назвал ему двух лошадей. Джон проверил в утренней газете, – к его разочарованию, обе числились в аутсайдерах. Но все же Джон решил сыграть на них по крупному.

Голова заболела сильнее, и Джон вжал костяшки пальцев в виски, стараясь облегчить боль. Глядя на Стеллу снизу вверх, сказал:

– Будь ласковой, принеси мне кока-колы. Настоящей, не «лайтс».

– Конечно. – Она сочувственно улыбнулась, так как знала, что, когда он просит кока-колы, ему действительно плохо: для него кола всегда была крайним средством от похмелья.

Джон открыл бумажник и достал оттуда визитную карточку банкира. Э. Сароцини. Джон начал придумывать ему письмо, схватился за диктофон, и вдруг заворчал телефон. Это была Стелла – мистер Сароцини был у нее на линии. Соединить его с Джоном?

Мистер Сароцини был вежлив, но гораздо более официален, чем прошлым вечером, – теперь он находился в режиме рабочего, а не светского общения. «Мне было очень приятно завязать с вами знакомство», – сказал он.

Джон вспомнил, как мистер Сароцини употребил слово «приятный» в отношении банкетного зала, и с замиранием сердца подумал, не относится ли и к нему банкир с той же снисходительностью.

– Мне тоже, – ответил Джон.

– Может случиться так, что мы встретимся сегодня в Аскоте. – По тону, каким было сделано это замечание, можно было ясно понять, что оно – всего лишь дань вежливости, а не назначение делового свидания.

– Буду рад. Спасибо за совет начет тех двух лошадей.

– Я бы не стал ставить на них свой дом, – сказал мистер Сароцини, – но они, без сомнения, достойны внимания.

Что-то в голосе мистера Сароцини заставило Джона решить поставить на них гораздо больше, чем он планировал.

Возникла краткая пауза, после которой мистер Сароцини сказал:

– В выходные я возвращаюсь в Швейцарию. Если вы завтра не заняты, не могли бы мы встретиться за ланчем?

Джон покосился на лежащий на столе раскрытый ежедневник. Пятница, 18 июня. Отмечено: ланч с бухгалтером.

– Хорошо, – сказал он. – У меня встреча, но я могу ее перенести.

– Завтра в полдень я буду у вас в офисе.

– Да, хорошо.

– Я был бы очень признателен, если бы вы подготовили для меня проверенные счета за последние три года, перспективный прогноз, документы по движению денежной наличности и план на пять лет.

Отвечая мистру Сароцини, Джон постарался не выдать охватившего его волнения.

14

Его преподавание доктор Эван Фреер, профессор систематической теологии в Лондонском университете и архидиакон Оксфорда, был самым умным и влиятельным духовным лицом из всех, с кем был знаком Фергюс Донлеви.

Не обращая внимания на упирающуюся в обивку пружину, Фергюс сидел в древнем кожаном кресле в университетском кабинете Фреера. Комната была обставлена по-мужски: старая добротная мебель, потертые ковры, темные, прогибающиеся под весом книг стеллажи, небольшой открытый камин. Окно было поднято, и комнату наполнял сладкий запах свежескошенной травы.

Фергюс откусил от бисквита и отпил кофе, после июньской уличной жары наслаждаясь царящей в помещении прохладой. Они с Фреером были давними друзьями. Сейчас они пытались вспомнить, сколько же лет прошло со времени их последней встречи.

Фергюс ждал, обмениваясь с Эваном новостями. Он сказал Фрееру, что религия поддерживает его в хорошей форме (не сказав ему, однако, что тот сильно растолстел, а в волосах прибавилось седины). Фреер, облаченный в черную сутану, рассмеялся и парировал, что хотел бы быть в такой же хорошей форме, как Фергюс.

Если бы Фреер не выбрал карьеру священника и не принял обет безбрачия, он пользовался бы бешеным успехом у женщин. Из-за его красивого, по-романски смуглого лица многие отмечали, что он похож на Роберта де Ниро.

Фреер спросил Фергюса о его книгах, захотел узнать, над чем он сейчас работает. Фергюс неохотно ответил:

– Разрабатываю тему, поднятую Стивенем Хокингом в его «Краткой истории времени». Но моя книга освещает вопрос гораздо шире и глубже.

– Когда она выходит?

Фергюс пожал плечами и ответил, что ему нужно переписать некоторые места – в этом загвоздка.

Фреер рассказал Фергюсу, что пару лет назад писал книгу по истории практик изгнания дьявола в Великобритании. Тогда редактор заставил его переписывать заново целые главы. Они сошлись во мнении, что редакторы – это зло.

Фергюс обмакнул бисквит в кофе и съел кусочек.

– Это Сьюзен Картер, – сказал он. – Мне она нравится, она совсем не глупа, но иногда она доводит меня до бешенства. Она думает, что читатели не смогут разобраться в том, что я пишу, и заставляет объяснять все на пальцах и детским языком.

Фреер улыбнулся:

– Но ты же доверяешь ее суждениям?

– Да, наверное... ну конечно доверяю. – Фергюс снова пожал плечами. – Просто меня это выбило из колеи, но это исключительно моя проблема. – Он вытащил из кармана сигареты и предложил одну священнику.

Фреер покачал головой:

– Бросил. Теперь только иногда трубку курю. Пепельница вон там.

Пока Фергюс прикуривал, он устроился в кресле поудобнее и выжидательно улыбнулся. Он понимал, что Фергюс пришел не только для того, чтобы повидать старого друга.

– Итак? – сказал он.

Фергюс глубоко затянулся сигаретой, откинулся назад и выдохнул дым вертикально вверх, в потолок.

– Помнишь афоризм Ницше о бездне? «Если долго вглядываешься в бездну, бездна тоже начинает вглядываться в тебя».

Фреер кивнул, не сводя с Фергюса пронизательных глаз.

– Эван, у тебя когда-нибудь возникало насчет чего-либо плохое предчувствие?

– Предчувствие?

– Да. Не знаю, как объяснить. Ну ладно, начнем с другого. Мы вполне согласны друг с другом в том, что Иисус Христос действительно жил среди людей, хотя и подходим к этому убеждению с разных сторон.

Эван Фреер вопросительно посмотрел на Фергюса – нить его размышлений ускользала от священника.

– Три мудреца-волхва, – сказал Фергюс, – увидели в небе светящийся объект – звезду? – и поняли, что родился мессия. Так?

Фреер кивнул, еще не понимая, куда Фергюс клонит.

Фергюс махнул рукой, оставив висеть в воздухе тянущуюся за сигаретой нитку дыма.

– Я верю, что эта «звезда» была космическим кораблем, на котором Иисус – представитель другой, более мудрой цивилизации – прибыл на Землю. Ты веришь, что он родился в результате непорочного зачатия. Это непринципиально. Важно вот что: как трое волхвов почувствовали прибытие Иисуса, когда увидели звезду?

– Они почувствовали, что происходит что-то необычное.

– В их представлении что бы ни происходило – это хорошо?

Фреер улыбнулся:

– Это не совсем то, что я имел в виду. Но да, возможно, среди прочего они ощутили и это.

– А сейчас, в конце тысячелетия, многие люди чувствуют, что должно случиться что-то плохое. Касательно этого существует большое количество предсказаний, и некоторые из них были сделаны очень давно.

Священник налил себе еще кофе.

– Насколько далеко в прошлое ты хочешь зайти? Отступить до Нострадамуса? Библии?

– Может быть, еще дальше.

Фергюс встал, прошелся по комнате, остановился у окна и облокотился на подоконник. В саду внизу мужчина с конским хвостом полтел грядку.

– Я говорю серьезно, Эван.

– Я всегда воспринимаю серьезно все, что ты говоришь. Я даже защищал твою статью в «Нейчер».

Фергюс обернулся, пораженный:

– Ты читал ее? Это было шесть лет назад.

– Ну да. Об ауре человека. Ты все еще веришь, что у людей есть аура?

– Это не вопрос веры. Это доказанный научный факт.

– И теперь ты видишь будущее в ауре человека?

– Нет, не вижу. Это чувство... оно не выражено ни визуально, ни как-либо еще. Это ощущение.

– Как часто у тебя появляется такое чувство?

– За всю жизнь не больше полудюжины раз. В первый раз перед смертью матери – тогда все было ясно, я много раз видел во сне момент катастрофы, видел ауру смерти вокруг нее. Все произошло именно так, как мне представлялось.

– И теперь это случилось снова?

Фергюс сел, затушил сигарету и в подробностях рассказал Фрееру, что он почувствовал и что, как он думает, это означает. Фреер слушал молча, не перебивая. Закончив, Фергюс по выражению лица священника не смог определить, верит тот ему или нет.

– Скажи мне, Фергюс, – спросил Фреер, – эти твои предчувствия... сколько раз они тебя обманывали?

– Ни разу.

Казалось, Фреер обдумывал эти слова очень долгое время. Затем он спросил:

– Ты скажешь этой женщине?

– У меня нет образа. Мне нечего ей сказать.

– Надо ли нам помолиться за нее?

Фергюс отказался от молитвы много лет назад, но здесь, рядом с каноником Эваном Фреером, почувствовал, что помолиться – это будет правильно.

Они встали на колени и, стоя плечом к плечу, вслух прочитали молитву Господню. Затем Фреер сказал:

– Господи, защити эту женщину.

А Фергюс прошептал в молитвенно сложенные ладони:

– Сюзен, что бы ты там ни собиралась делать, не делай этого. *Пожалуйста, не делай этого.*

15

Трехлучевая звезда на радиаторе почтенного «мерседеса-пульмана» рыскала по сторонам со зловещей грацией ружейного прицела, преследующего свою цель, – лимузин плыл по течению одного из лондонских транспортных потоков.

Джон, напряженный, как скрученная пружина, смотрел на дорогу через дымчатое ветровое стекло. Лет тридцать назад такая машина могла принадлежать диктатору в какой-нибудь стране третьего мира, подчеркивая его положение. Возраст смягчил ее величие, и теперь от нее веяло спокойным, мягким благородством.

Звезда нацелилась на такси, затем на велосипедиста в антисмоговой маске, затем на светофор. Через дорогу перешла хорошо одетая женщина с длинным красным шарфом. Несмотря на густую облачность, еще больше подчеркиваемую затемненным стеклом, дождя не было. Похолодало. Кондиционер в машине был настроен на жаркую погоду, поэтому в салоне было холодно, и Джон мерз.

Этим утром мистер Сароцини показался Джону совсем другим человеком, нежели тот, с кем он сидел на соседних стульях на банкете. Сегодня швейцарец был не менее величественным и столь же безукоризненно одет – на этот раз в изумительно сшитый серый костюм из шерсти, дополненный желтым галстуком «Гермес» и желтым же носовым платком, который показывал свой идеальный угол из нагрудного кармана пиджака, – однако его поведение изменилось.

На банкете он был окружен аурой доброжелательности и расслабленности и создавал впечатление человека, без труда получившего от жизни все, что он хотел получить. Сегодня это был жесткий, отстраненный, холодный и серьезный человек. От его доброжелательности и искрящегося юмора не осталось и следа, и пока что все попытки Джона растопить лед окончились неудачей. Он попытался снова.

– Те две лошади, на которых вы мне посоветовали поставить, – сказал он. – У меня просто нет слов.

Сложив руки с длинными элегантными пальцами на коленях, мистер Сароцини смотрел в окно. Даже его голос звучал сегодня по-иному. На банкете его акцент был похож на итальянский, а теперь в нем слышалось столь же сглаженное, но явственно осязаемое немецкое порывание.

– Мистер Картер, скачки – спорт королей и дураков. Если вы выиграли – сами ли или следуя чьему-либо совету, – вам следует относить это либо насчет удачи, либо насчет знакомства с организаторами скачек – и ничего иного.

Джон осторожно взглянул на мистера Сароцини, так как не был уверен, что именно – удача или подтасовка – имело место в данном случае. Обе названные ему мистером Сароцини лошади выиграли вчера: первая – при двадцати к одному, вторая – при пятнадцати. Джон поставил по двести фунтов на каждую, пятьдесят фунтов на прогноз и унес с собой двенадцать тысяч фунтов выигрыша.

Но вместо того, чтобы испытывать воодушевление, подобное тому, какое испытывала Сьюзен, которая восприняла его везение как хороший знак, он корил себя за то, что не поставил больше. Если бы он пошел ва-банк (и если бы у него при этом было нужное количество денег), то он мог бы решить на скачках все свои проблемы. Но конечно, он бы не пошел на подобный риск.

– Ваш баланс показывает финансовый убыток, равный сорока восьми тысячам семистам пятидесяти одному фунту, расписанный вперед на два года. Вы можете это объяснить? – спросил мистер Сароцини.

– Да, конечно. – Джон мигом спустился с небес на землю. – Это стоимость графического оборудования, приобретенного у одной обанкротившейся фирмы. Мы купили их акции, чтобы создать убыток, не требующий немедленной ликвидации.

– А в прошлогоднем балансе есть запись аудитора об отчислении тридцати пяти тысяч шестисот восьмидесяти семи фунтов на счет в банке «Швейцарский кредит» в Цюрихе. Я не понимаю, куда пошли эти деньги.

Вопрос немного смутил Джона, хотя он был уверен, что мистер Сароцини, будучи сам швейцарским банкиром, поймет его.

– Это часть нашего соглашения с гинекологом Харви Эдисоном. Он очень важен для нас, так как представляет успешный сетевой проект. Одним из его условий было, чтобы мы... спрятали часть его зарплаты за границами Великобритании.

Джона все больше удивляло то количество деталей, которые смог запомнить мистер Сароцини. Несмотря на то что банкир провел в его офисе всего полчаса и просматривал подготовленные для него цифры, не делая никаких записей, он, казалось, не пропустил ничего.

– Этот композитор, – сказал мистер Сароцини, – Зак Данцигер. Как вы считаете, можно ли в ближайшем времени уладить возникшие с ним разногласия?

Джон со всей тщательностью обдумал вопрос и решил, что умнее всего держаться правды.

– Нет, не думаю. То есть, наверное, можно, но это недешево станет.

Уделяя все внимание вопросам мистера Сароцини, Джон не заметил, как машина остановилась перед входом в клуб. Это было георгианское здание, расположенное в районе Мей-фэр, впечатляющее, но давно уже требующее свежей побелки. Швейцара у входа не наблюдалось, названия клуба также нигде не было видно – просто дверь с цифрой «3» на ней и звонок.

Они вошли. Судя по предупредительности, с какой обслуга относилась к мистеру Сароцини, его здесь хорошо знали. Он тепло поздоровался с каждым, кто вышел встречать его, называя всех по имени. Они миновали конторку портье и вошли в просторный зал, по стенам которого были развешаны портреты, перемежающиеся зелеными суконными досками объявлений.

Обслуга клуба состояла по большей части из людей пожилых, но все они были безукоризненно вежливы с Джоном и обращались с ним так, будто человека значительнее его не появлялось в этом заведении с самого его открытия. Джон подумал было, что они относятся так к каждому посетителю, но тишина, воцарившаяся в момент, когда он следовал за мистером Сароцини в другой зал, свидетельствовала о том, что его внимательно изучают.

Обеденный зал был выдержан в величественном барокко и сверкал позолоченными колоннами и хрустальными люстрами, но в то же время не был настолько огромен, чтобы потерять уютный вид. Как и все в этом клубе, его, казалось, не мешало бы подновить. Лепной потолок, на который годами оседал табачный дым, местами приобрел охристый оттенок, зеленые бархатные занавески выцвели, ворс на коврах вытерся. Даже немногие посетители, пожилые джентльмены в темных костюмах, выглядели какими-то блеклыми.

Джон был доволен, что сегодня предпочел консервативный стиль в одежде: темно-синий пиджак, белую рубашку и полосатый гольфклубовый галстук, который вполне мог сойти за классический.

Ему принесли меню, а мистеру Сароцини – нет.

– Я всегда ем здесь одно и то же, – объяснил банкир. Он сидел за столом с прямой, как палка, спиной. – Пожалуйста, заказывайте. Здесь неплохо готовят.

Джон заказал копченого лосося и дуврского палтуса. Лосось был подан тут же, вместе с тарелкой перепелиных яиц для мистера Сароцини. Официант разлил по бокалам минеральную воду и белое вино. Джон поднял свой бокал:

– Ваше здоровье.

Мистер Сароцини улыбнулся вежливой улыбкой, но ничего не ответил, и Джон, помедлив, поставил бокал на стол и, чтобы сгладить неловкость, сказал:

– Хороший клуб. Красивое здание.

Мистер Сароцини развел руками:

– Я нахожу его удобным для себя.

– Как он называется?

– Название держится в тайне. Оно известно только членам клуба. Это прописано в уставе. – Мистер Сароцини опять улыбнулся, на этот раз более холодно.

– А как можно вступить в этот клуб?

Мистер Сароцини насыпал аккуратную горку соли на край своей тарелки.

– Я вижу, вы обладаете пытливым умом, мистер Картер. Однако сегодня у меня не так много времени. Позвольте мне задавать вопросы. Я должен представить отчет о вашей фирме нынче же днем, если мы хотим успеть в срок, отведенный вам вашим банком.

– Разумеется.

Джон выжал лимон на рыбу. Его внимание привлекла картина, висящая на стене: живопись маслом, на полотне изображена компания херувимов, завтракающих на фоне живописного моста. В картине было что-то беззаботное, что резко контрастировало с атмосферой клуба, и Джон позавидовал херувимам, наслаждающимся простыми радостями жизни.

Мистер Сароцини разбил перепелиное яйцо о тарелку, очистил его и обмакнул в соль.

– Мистер Картер, расскажите мне о ваших религиозных убеждениях.

Джон был атеистом. Он задумался, прежде чем ответить, так как боялся, что вступает на минное поле. Еще один Клэйк? Неужели мистер Сароцини – глубоко религиозный человек?

– Э... у меня нет предубеждений на этот счет, – наконец сказал он.

– Вообще?

Зрочки мистера Сароцини зафиксировались на Джоне, и у него появилось стойкое ощущение, что банкир заглядывает прямо ему в душу. Солгать было невозможно.

– Я ищу объяснения вопросов бытия скорее в науке, чем в религии или мистицизме.

– А ваша жена?

– Она верующая христианка.

– Она посещает церковь?

– Да. Раньше ходила туда каждую неделю, сейчас реже.

– Влияют ли разные взгляды на религию на ваш брак?

– Нет. Еще в самом начале мы решили относиться друг к другу терпимо и теперь почти не обсуждаем вопросы веры.

– Понятно. Простите за то, что затронул такую деликатную тему.

Они умолкли и продолжили есть. Джон ждал от мистера Сароцини новых вопросов, но банкир сосредоточенно чистил второе яйцо. Джон не мог понять, разочаровал ли он его своим ответом и должен ли сейчас сказать что-либо, чтобы исправить положение. Вдруг мистер Сароцини произнес:

– Еще раз прошу прощения за то, что затрагиваю деликатные темы, но скажите, пожалуйста, не повлияли ли ваши религиозные убеждения на ваше решение не иметь детей?

Похоже, мистер Сароцини намеренно избегал разговора о деле, в то время как Джон стремился поскорее приступить к нему. «Диджитрак» вот-вот должен был заключить несколько крупных сделок, и Джон хотел, чтобы банкир узнал о них – ведь в ближайшие несколько лет значительно повысятся прибыли компании. Цифры в балансе будут выглядеть значительно лучше.

– Нет, не повлияли. Сьюзен терпима в вопросах религии. У нас есть крестный сын, маленький мальчик, и мы очень рады этому. Религия не играет в нашей жизни большой роли.

– А ваше решение не иметь детей, мистер Картер? Играет ли оно большую роль?

Джон попытался уйти от вопроса, но мистер Сароцини был настойчив, и ему пришлось рассказать все о том, почему они со Сьюзен решили не иметь детей. Он почти доел палтуса к тому времени, как закончил.

Мистер Сароцини, оторвавшись на секунду от вареной рыбы, которую он задумчиво поглощал, подытожил:

– Значит, основной причиной послужило отношение к детям в вашей семье?

– Да.

– Вашей семье не хватало стабильности. Ваш отец пил. Он был водителем такси, затем парикмахером, затем купил магазинчик и прогорел. Он стал коммивояжером, но в один прекрасный момент все бросил и уехал на отдаленный шотландский остров пасти овец. Позже он вернулся домой опустившимся и озлобленным. Он считал, что ваше появление на свет разрушило его брак и отняло у него свободу.

У Джона стоял комок в горле. Эта рана по-прежнему болела. Много лет он пытался забыть о ней, залечить ее, как-то даже попробовал психотерапию – ничего не помогало.

– А потом он бросился под поезд в метро?

Джону тогда было четырнадцать лет, и он учился в школе в Северном Лондоне. О самоубийстве его отца написали в местной газете. Школьники шептались и показывали пальцем. Когда он проходил мимо, все разговоры затихали. Если твой отец бросается под поезд, к тебе уже никогда не будут относиться по-прежнему. Какой бы червяк ни завелся у него в голове, все считают, что у тебя он живет тоже.

«Держитесь подальше от Джона Картера: он может утащить вас с собой под поезд».

Банкир вынул кость из рыбы.

– А ваша мать? – спросил он.

Джон не хотел рассказывать мистеру Сароцини о своей матери. Он вспомнил об игрушках, которые она ему покупала, и о том, какие скандалы закатывал ей из-за этого отец. Он вспомнил модель «Аполлона-11», подаренную ею, когда он заболел высадкой на Луну. Экшен-мэна, который мог быть кем угодно – от солдата до спортсмена. Модели самолетов, детские энциклопедии, наборы лего.

Все его детство вращалось вокруг ее подарков. Они были его братом, сестрой, лучшим другом, окном в мир. Он почти не выходил из своей комнаты: читал там, учил уроки, собирал модели, проживал вместе с Экшен-мэном каждое из его головокружительных приключений. Он не слышал стонов матери, проводившей время с мужчинами, когда отец уезжал или бросал их, не слышал ее криков, когда она приходила в его комнату и обвиняла его в том, что он разрушил ее жизнь. Она кричала, что, если бы не он, они с отцом жили бы счастливо.

Все детство он провел в придуманном мире. Мире настольных игр, «Донжонов и драконов», потом – компьютеров.

Он рассказал мистеру Сароцини отредактированную, приглаженную версию своего детства.

Подали кофе. За весь ланч они и словом не обмолвились о деле. Мистер Сароцини взглянул на свои тонкие старомодные часы «Картье». Джон потянулся за стоящим под столом портфелем.

– У меня есть для вас копии балансовых отчетов и прогнозов, – сказал он.

Банкир вынул из кармана маленькую золотую коробочку и вытряхнул из нее в чашку с кофе две таблетки заменителя сахара.

– Весьма предусмотрительно с вашей стороны, но, скорее всего, мне они не понадобятся.

Джон затравленно посмотрел на мистера Сароцини. Загоревшаяся вчера надежда потухла, будто залитая дождем свеча. Он что, сказал что-нибудь не то? Эта неожиданная перемена в настроении мистера Сароцини ничем не объяснялась. Джон не мог понять, зачем банкиру было утруждаться и везти его на ланч, если он не собирался говорить с ним о деле.

Мистер Сароцини аккуратно промокнул рот салфеткой и встал из-за стола. Джон подумал, в своем ли уме этот человек, но, вспомнив, сколько тот запомнил из чтения отчетов, рассудил, что дураком его никак не назовешь.

«Мерседес» вез Джона обратно в офис. Мистер Сароцини сидел молча и смотрел в окно. Когда Джон вновь попытался выяснить, стоит ли ему рассчитывать на то, что Ферн-банк вступит в игру, мистер Сароцини после долгой паузы ответил, что он пришел к выводу, что Зак Данцигер представляет собой бóльшую проблему, чем он решил вначале.

Джон совсем отчаялся. Мистер Сароцини не взял никаких бумаг. Он потерял интерес.

Календарь в компьютере Джона говорил ему, что у него осталось всего одиннадцать дней. Завтра суббота, гольф с друзьями – если он будет в состоянии поехать. В понедельник будет восемь дней. Радоваться нечему. Джон взял трубку телефона и набрал номер Арчи Уоррена.

Арчи не смог ничем помочь. Ему больше некого было предложить.

16

В отличие от всех остальных помещений дома, подвал Сьюзен не нравился.

Дверь провисла в петлях, и ей пришлось резко рвануть ее, чтобы та открылась. Подвал встретил Сьюзен пахнувшей сыростью темнотой. Она щелкнула выключателем и стала спускаться по лестнице. Особенно ей не нравился клаустрофобически низкий потолок и висящая повсюду паутина, в которой притаились соткавшие ее пауки.

Она миновала ряд пустых бутылок из-под кьянти, так и не понадобившиеся водосточные трубы, пустые фанерные ящики, стопку ржавых жестяных листов и, добравшись до большого морозильника, попыталась открыть его дверцу. Та подалась – с ледяным хрустом замерзшей уплотнительной прокладки и порывом холодного воздуха. Взглянув внутрь, Сьюзен беззвучно выругалась: надо же было так сглупить и не подписать все продукты, прежде чем сложить сюда. В поисках пакета тигровых креветок, которые, как она думала, должны были лежать тут, она вытащила что-то, напоминающее баранью ногу. Отложив ее в сторону, она стала искать дальше. Даже эта простая задача была ей сегодня не по силам: ее с головой накрывали тяжелые мысли, мешая сосредоточиться. Сегодня к ним придут гости. Обычно она любила вечеринки и подготовку к ним, но сегодня это было для нее пыткой.

Вчера вечером Джон приехал в еще более расстроенных чувствах, чем обычно. Он очень рассчитывал на швейцарского банкира, которого встретил на банкете в Гилдхолле. И она поверила в этого человека – после того как в Аскоте выиграли указанные им лошади. Но, как оказалось, зря. Встреча с ним ни к чему не привела, как и все остальное, что пытался делать Джон.

Она вздрогнула от неожиданности, когда в дальнем конце подвала ожил бойлер. Затем она продолжила поиски, хотя руки у нее уже ничего не чувствовали от холода. Сегодня придут Алекс и Лиз Гаррисон. Алекс, который раньше был лучшим сотрудником в фирме Джона, теперь работал в крупной компании, производящей программное обеспечение. Джон хотел выпросить его, не сможет ли какая-нибудь компания купить «Диджитрак». Лиз была близкой подругой Сьюзен – самой близкой в Англии после Кейт Фокс, с которой Сьюзен работала в одном издательстве.

Также будет Харви Эдисон с женой Каролиной. Сьюзен гинеколог не очень нравился – она считала его слишком высокомерным и заносчивым, – но Джон ради бизнеса настаивал, чтобы они поддерживали дружеские отношения. Он хотел предложить доктору организовать новую компанию на правах партнерства, если «Диджитрак» все же потонет.

Сьюзен находила Каролину милой, но скучной и заикленной на себе. Она была привлекательной – ожившая кукла Барби, – и сфера ее интересов ограничивалась встроенным шкафом-купе, который она себе поставила, диетой, на которой она сейчас сидит, новыми тенденциями в воспитании детей, которых она, как и мужа, слепо обожала. За пять лет их знакомства Сьюзен не могла припомнить момента, когда Каролина Эдисон захотела бы узнать что-нибудь о ней самой.

Была суббота. Джон уехал играть в гольф. Передышка была ему необходима, и Сьюзен была рада, что муж проведет несколько часов на свежем воздухе. После гольфа он собирался в офис, на встречу со специалистом по банкротству – его посоветовал Арчи Уоррен, охарактеризовав как профессионала экстра-класса. Спец представит Джону схему, как сохранить то имущество фирмы, которое еще можно сохранить, до того как банк завинтит пробку. Все в рамках закона, сказал Джон, но по его тону Сьюзен поняла, что все как раз наоборот.

Его отчаяние пугало ее. До настоящего времени она всегда доверяла способности Джона правильно оценивать ситуацию, но теперь она боялась, что он сделает что-нибудь такое, что доведет их до беды. Вчера вечером муж снова напился и грубо оборвал ее, когда она завела разговор о поиске других вариантов разрешения кризиса. А потом он уснул перед телевизором.

Тяжелое детство или калечит, или делает сильнее. Джона оно сделало сильнее. Имея перед глазами пример отца-неудачника, он был полон решимости достичь успеха в жизни, доказать, что в его генах нет предрасположенности к краху. Он отличался упорством в достижении своих целей и никогда не отказывался от начатого, однако его вчерашние слова свидетельствовали о том – и это вызывало у Сьюзен нешуточное беспокойство, – что он начал рассматривать банкротство как избавление.

Она и сама могла понять, что в каком-то смысле оно и будет избавлением. У него появится возможность начать все заново, хотя потребуются много времени на то, чтобы достичь нынешнего уровня; еще им придется продать дом – но Сьюзен могла все это принять. Настоящей проблемой была Кейси.

Если бы только с работой все было стабильно!

Когда Джон попросил ее выйти за него замуж и переехать в Лондон, она колебалась, уезжать из Лос-Анджелеса или нет, только из-за Кейси.

Город мишуры⁷ ассоциировался у нее с несчастьем. Ее отец был неудавшимся актером, за тридцать лет карьеры не получившим ни одной крупной роли. Он зарабатывал на жизнь, заправляя топливом яхты и катера богатых, знаменитых и просто успешных людей в Маринадель-Рее. В возрасте пятидесяти лет он начал рисовать и все еще мечтал об успехе – теперь уже не в качестве актера, но художника. Сьюзен же, как ни горько ей от этого было, понимала, что успеха он никогда не добьется: он, бесспорно, обладал талантом, но ему не хватало напора.

Ее мать, чьей самой крупной ролью была сцена в лифте с Клинтом Иствудом в «Грязном Гарри», вырезанная в телевизионной версии, перестала мечтать много лет назад и работала билетершей.

Кейси, ее чудесная, бесшабашная и ошеломительно красивая младшая сестра, приняла на вечеринке грязную таблетку экстази всего через несколько дней после того, как ей исполнилось пятнадцать. С тех пор она находилась в клинике, в состоянии стабильного вегетативного существования. Мать Сьюзен не дала своего разрешения на отключение ее системы жизнеобеспечения, а Сьюзен с отцом, хотя и не без некоторых сомнений, поддержали ее в этом решении.

В том, что случилось с Кейси, Сьюзен винила себя. Родители и друзья не уставали повторять ей, что это была не ее вина, и она понимала их, но ничего не могла поделать с горечью, поселившейся внутри ее. Родители тогда уехали на выходные, оставив Кейси на попечение Сьюзен. Когда Кейси пригласили на вечеринку, Сьюзен сначала не хотела ее отпускать, но Кейси упростила, пообещав вернуться рано.

«Если бы только...» – тысячи раз думала Сьюзен.

Первые пять лет Сьюзен приходила к Кейси каждый день и проводила у нее час. Она сидела у ее кровати, разговаривала с ней, слушала вместе с ней ее любимую рок-музыку. Постепенно ее посещения сократились до двух-трех раз в неделю, затем до одного раза.

Переехав жить в Англию, Сьюзен стала навещать сестру всего два раза в год, находя утешение в мысли, что те деньги, которые они с Джоном заработают в Англии, позволят Кейси оставаться в роскошной частной клинике, вместо того чтобы отправиться в пасть американской государственной системе здравоохранения. И теперь Сьюзен было больно от осознания того, что они могут оказаться не в состоянии помочь Кейси.

Тигровые креветки лежали на дне последнего обысканного ею ящика. Запихивая продукты обратно в морозильник, она вдруг подумала о детях. У Алекса и Лиз Гаррисон четверо, два мальчика и две девочки, каждый старше другого на три года. Лиз была отличной матерью: внимательной, умной, доброй, смешливой, – и Сьюзен, которая не доверяла во всем совершенным людям, вдруг позавидовала своей подруге черной, иррациональной завистью.

⁷ Город мишуры – используемое в обиходе название Голливуда.

А зависть привела с собой тоску.

Сьюзен хорошо знала ее: это был старый враг, непременно возвращающийся раз в несколько месяцев. У Сьюзен были способы справляться с ней, отгонять ее – на время, до следующего ее возвращения.

Сами собой возникли всегдашние резоны: в мире и так слишком много людей; дети убивают в браке романтику, лишают родителей свободы; требуется целое состояние на то, чтобы вырастить их; и в любом случае они с Джоном могут быть физически не способны завести их, даже если захотят, – Сьюзен перебрала целую батарею отговорок, но ни одна из них не помогла.

Правда состояла в том, что она любила Джона, а Джон не хотел детей. Она любила свою работу, а она не оставляла ей времени на детей – и не важно, хочет она их или нет. И, кроме того, ей всего двадцать восемь, у нее еще есть время. Джон может передумать. Со временем она как-нибудь заставит его передумать. Или она сама передумает и начисто забудет о детях – и, может быть, так будет лучше.

Как бы то ни было, в их теперешней ситуации мысль о том, чтобы завести ребенка, была еще более бессмысленной, чем обычно. Так зачем она об этом думает? Навязчивая идея.

Течение ее мыслей прервала трель дверного звонка, донесшаяся сверху через пол первого этажа. Кто бы это мог быть? Маляр Гарри? Вроде бы он хотел привести приятеля-ремонтника, для того чтобы тот выполнил те мелкие работы, за которые сам он не брался, – например, поправил покосившуюся подвальную дверь. Нет, он же уехал на неделю и вернется только в следующую субботу.

Она поднялась в холл. Звонок прозвучал снова, когда она была уже в прихожей. Сьюзен открыла дверь и вспомнила.

На пороге стоял высокий, простовато выглядящий мужчина в униформе «Бритиш телеком». В одной руке у него был ящик с инструментами, в другой – большая коробка в заводской упаковке. На улице рядом с ее маленьким «рено» стоял телекомовский фургон.

– Надеюсь, я вовремя? – спросил мужчина.

– Да-да, конечно.

– Вы не забыли о том, что я должен прийти? Мы договорились, помните?

– Э... нет, я... – Она заметила, что он смотрит на пакет с замороженными креветками, который она держала в руках. – Извините. Я была в подвале. Я не забыла. Новая сетевая плата? Материнская плата? Вы упомянули о чем-то подобном.

– Именно так. – Кунц улыбнулся.

Так хорошо было снова быть с ней рядом, снова чувствовать ее запах. На этот раз в нем не присутствовало призвука спермы, и Кунц был рад этому. Она пахла так, будто ни разу не занималась с мужем любовью с тех пор, как Кунц был здесь в последний раз, и он отчаянно хотел вознаградить ее за это, прямо здесь, на ступенях.

Сьюзен, сладкая моя, ты была хорошей девочкой.

17

Доктора Радуныла нужно развеселить. Это можно сделать с помощью одной из трех экранных кнопок. При нажатии на любую из двух других он затопает ногами, зарыдает, потянет за рычаг, открывающий люк, на котором стоит твой персонаж, и этот персонаж упадет в зловонную канализацию, где ему придется, чтобы выбраться наружу, пройти целый лабиринт туннелей, населенных гигантскими крысами-мутантами и крокодилами-людоедами.

Первая кнопка сообщает доктору Радунылу, что на перемене ты ел шоколадку; вторая – что ты ел чипсы; третья – что яблоко. При нажатии на третью кнопку он радуется: у него загораются глаза, в широкой улыбке раздвигаются губы, он поет песню и показывает стойку на руках.

– Ну, что думаешь? – спросил Гарет и, не дожидаясь ответа Джона, добавил: – Так гораздо лучше, верно?

– Думаю, что у нас проблема, – сказал Джон и, не обратив ни малейшего внимания на ненавидящий взгляд компаньона, продолжил: – Думаю, детям будет интереснее побегать по канализации, чем увидеть, как радуется Радуныл. Я уже давно об этом думаю.

– Мы можем это изменить, но тогда выпуск снова придется отложить, а мы уже отстаем от графика, – сказал Гарет и недовольно добавил: – Никто из учителей, читавших сценарий, не обратил на это внимания.

Джон стоял в просторной комнате, отведенной для программистов. Двадцать пять человек собрались вокруг него. Раньше Джон остановился бы у стола каждого и поговорил бы с ним, но сегодня он старался даже не смотреть им в глаза. И уж совсем он не желал быть втянутым в спор с Гаретом.

Клифф Уорролс, очкарик с конским хвостом, одетый в неофициальную униформу «Диджитрака» – футболку и джинсы, – вопросительно смотрел на него, ища оценки улучшенной графики Радуныла. Джон кивнул ему. С первого взгляда было видно, что программа, рассчитанная на обучение детей принципам здорового питания, была недоработана, но у Джона были другие заботы, кроме как поднимать дискуссию по этому поводу. Была среда, до назначенной даты оставалось шесть дней, и он решил рассказать все Гарету сегодня во время ланча.

Он также собирался рассказать ему о своей встрече со специалистом по банкротству. Предложенная им схема, имеющая целью утаить некоторую, весьма небольшую, часть денег от кредиторов, требовала выписки нескольких фальшивых счетов-фактур и договоров. Гарету это может тяжело даваться – он был честен до абсурда.

В разговоре он решил надавить на то, что если они сумеют сохранить сколько-нибудь денег, то у них появится возможность начать все сначала и все выплатить – и Джон действительно собирался сделать это.

Он снова взглянул на компьютерный экран, затем в обеспокоенные лица Гарета и Клиффа.

У Уорролса зазвонил телефон. Он ответил на звонок, затем повернулся к Джону:

– Стелла. Просит вас.

Джон взял трубку, и Стелла сообщила ему, что звонит мистер Сароцини. У Джона закачался под ногами пол.

– Я отвечу из своего кабинета, – сказал он. – Увидимся позже, Гарет. Хорошо поработал, Клифф! – И вышел.

Придя в кабинет, он взял трубку. Отчего-то банкир в его мозгу прочно ассоциировался с доктором Радунылом.

– Мистер Картер? Надеюсь, вы в добром здравии? – Мистер Сароцини, похоже, был в лучшем расположении духа, чем в пятницу, и больше напоминал того человека, рядом с кото-

рым Джон сидел на банкете Кармайклов в Гилдхолле, чем ту глыбу льда, с которой Джон обещал в клубе. Но Джон все равно внутренне сжался, превратившись в комок нервов.

– Да, спасибо. Благодарю вас за ланч. Мне очень понравился клуб, в который мы ездили. – Джон послал благодарственное письмо на почтовый ящик, указанный на визитной карточке банкира, но не знал, получил ли тот его.

О письме банкир не стал упоминать.

– Рад, что смог доставить вам удовольствие. В свою очередь, я был рад встретиться с вами вторично и узнать чуть больше о вашей жизни. То место, где мы были, замечательно своей прекрасно подходящей для спокойной беседы атмосферой. В Лондоне не так уж много мест, где можно спокойно поговорить, вы не находите?

– Да, это так, – вежливо отозвался Джон, хотя и сгорал от нетерпения в ожидании того момента, когда мистер Сароцини перейдет к делу. От дружелюбия в голосе банкира в нем вновь зажглась надежда.

– Как у вас обстоит дело с поиском финансирования? Есть успехи?

– Кое-чего мы достигли, – соврал Джон, стараясь волевым усилием унять дрожь в голосе и теле, – но никаких договоров еще не заключили.

– Вот как.

Возникла долгая пауза. Джон ждал реплики мистера Сароцини, но тот молчал, поэтому Джон спросил:

– Может быть, вам нужна еще какая-либо информация? – пытаюсь одновременно вспомнить что-нибудь, что могло бы заинтересовать банкира.

– Нет, пока нет. Я поговорил со своими компаньонами и, прежде чем двинуть дело дальше, хочу удостовериться, что ваши требования не изменились.

– Они не изменились. – Мысли Джона лихорадочно метались. «Прежде чем двинуть дело дальше». Это вселяло надежду. Что бы еще сказать ему? Есть ли что-нибудь, о чем он забыл упомянуть на прошлой неделе? Или, может быть, что-нибудь изменилось с тех пор? – Мистер Сароцини, с момента нашего последнего разговора у нас наметились положительные сдвиги в бизнесе, которые могут вас заинтересовать.

– Вот как? Расскажите.

– Не припомню, упоминал ли я... очень выгодное для нас соглашение с «Майкрософт». Они могут включить свежую версию нашей серии «Домашний доктор» в программный пакет вместе с онлайн-версией их программы, которая называется Encarta.

Судя по голосу мистера Сароцини, он не смог ухватить открывающейся в случае успеха этой сделки перспективы.

– Хорошо, – сказал он. – Звучит впечатляюще. – И замолчал. – Значит, ваши требования не изменились?

– Нет, не изменились.

– Как обстоит дело с вашим судебным иском? Есть какие-нибудь новости?

– Боюсь, что нет.

– Мистер Картер, если вы не возражаете, я перезвоню вам через несколько дней.

Ни разу в разговоре с Джоном мистер Сароцини не назвал его по имени. Это звучало диссонансом к дружелюбному тону банкира и казалось неуместным формализмом.

– Срок, отведенный мне банком, истекает в будущий вторник.

– Да, конечно, я не забыл, – ответил банкир. – Как можно забыть такую важную дату? Но все равно благодарю за напоминание. – В его голосе послышалась мягкая ирония, будто у отца, журащего вздумавшего его учить сына. – Я свяжусь с вами, не дожидаясь вторника.

Мистер Сароцини положил трубку.

Джон отнял свою от уха, тупо посмотрел на нее, затем тоже положил ее на рычажок и некоторое время молча сидел, пытаясь осознать, что несет с собой звонок. Это определенно

плюс, что мистер Сароцини позвонил, – после того как банкир высказал свои соображения по поводу судебного иска Зака Данцигера, Джон ожидал, что тот вовсе не объявится.

Его внезапно затопила волна оптимизма, и он позвонил Сьюзен, чтобы сообщить ей, что у них еще есть надежда. Она была на совещании и не могла долго говорить, но в ее голосе сквозило явное облегчение. Отключившись, Джон решил подождать звонка мистера Сароцини и ничего не говорить Гарету.

Только бы он позвонил!

У Джона возникло чувство, что он позвонит. Мистер Сароцини был не из тех, кто предпочитает отделаться молчанием, – если его что-либо не устроит, он скорее выступит с альтернативным предложением.

Вечером Джон повел Сьюзен в расположенный за углом тайский ресторанчик.

Владелец встретил их, как давно потерянных и вдруг обретенных друзей, принес им за счет заведения по коктейлю и весь вечер закармливал их новыми экспериментальными блюдами. Бренди, поданное под занавес ужина, было также за счет заведения.

Было уже около полуночи, когда они, пьяные, веселые и такие сытые, что чуть не лопались, смогли выбраться из ресторанчика. Джон вошел в раж и, слоняясь взад-вперед по тротуару возле их дома, в лицах изображал ресторатора: «А вот, позалуйста, вот эта попробовать: зеленая креветка в кокоса!»

Сьюзен, давясь смехом, шикнула на него и затащила в дом. Добравшись до спальни, они сорвали друг с друга одежду, разбросав ее по всему полу, и впервые почти за две недели занялись любовью.

И Кунц, который в субботу вмонтировал в потолок спальни видеокамеру, сидел в своей аппаратной и смотрел на них, испытывая возбуждение и злость.

Его возбуждало зрелище того, как они одновременно дарят друг другу оральные ласки, как Сьюзен Картер открывается, давая Джону Картеру возможность войти в нее. Но ему невыносимо было видеть, как Джон Картер занимается любовью с *его* женщиной, какое счастье выражает при этом ее лицо, как она покусывает его ухо, прерывисто дышит, стонет от наслаждения...

Ему невыносимо было видеть, как ей это нравится.

Она перевернула Джона на спину и села на него верхом. Выражение лица Джона Картера вызвало у Кунца припадок бешенства, но он продолжал смотреть. Достигнув оргазма, Картер выгнулся дугой и закричал.

Кунц с гневом выключил монитор. Он надеялся, что когда-нибудь мистер Сароцини позволит ему наказать Джона Картера за это.

Но по крайней мере, сегодня у него было чем отвлечься. На стоящем в аппаратной столе, рядом с недоеденным «Кентуккским жареным цыпленком» и пустыми банками из-под кока-колы, лежал белый конверт со швейцарской маркой, в котором находился подарок мистера Сароцини.

Иногда мистер Сароцини делал Кунцу подобные подарки – обычно тогда, когда Кунц бывал очень расстроен. Это являлось еще одним подтверждением того, что мистер Сароцини всегда присутствовал у Кунца в голове, всегда знал, какое у него настроение, всегда чувствовал это.

Чуть двигая конверт пальцем по поверхности стола, Кунц начал напевать про себя.

18

Дон Жуан провалился в открывшийся в сцене люк – в ад. Вокруг него взметнулось пламя, и Кунц улыбнулся.

Ад.

Он вспомнил слова Томаса Элиота, чью книгу дал ему прочитать мистер Сароцини. «Ад не является ничем из ряда вон выходящим».

И Дон Жуан, в одиночестве сходя в ад, пел похоронную песнь по себе. Мощный тенор заполнял зрительный зал. Великая музыка. Кунц был счастлив быть сейчас в Глайнборне, в ложе, в которой могло бы разместиться шесть человек, но которая сегодня была предоставлена в полное его распоряжение.

Сьюзен Картер понравилось бы смотреть спектакль отсюда. Кунц улыбнулся, купаясь в водопадом льющей на него музыке. Да, ей бы понравилось. Воздух в зрительном зале был густым от запахов всех собравшихся в нем женщин, одетых в лучшие свои платья, надушенных лучшими духами. Ни одна из этих женщин не пахла так хорошо, как Сьюзен Картер, но это не расстраивало Кунца. Моцарт подарил ему счастье и силы на ожидание. Теперь уже скоро. А потом Сьюзен Картер будет дарить ему счастье всю оставшуюся жизнь.

Это обещал ему человек, который никогда не бросал слов на ветер.

«Красота есть истина, а истина есть красота. Вот все, что знаем мы, и все, что знать должны». «Китс», – вспомнил Кунц. О Китсе он узнал от мистера Сароцини.

Он узнал от мистера Сароцини о стольких прекрасных вещах: о радости, которую дарит гениальная музыка, о наслаждении, получаемом от лицезрения прекрасных картин, об удовлетворении от вкуса изысканной еды... Благодаря ему он познал столько мудрости. Кунц вспомнил фильм, который он однажды смотрел в частном кинозале мистера Сароцини. В этом фильме актеры, Джозеф Коттон и Орсон Уэллс, оказались в одной кабинке колеса обозрения, в парке аттракционов, в Вене. На этом моменте мистер Сароцини остановил фильм, велел Кунцу слушать внимательно, затем снова запустил пленку.

Орсон Уэллс, героя которого звали Гарри Лайм, повернулся к Джозефу Коттону и сказал с плохо скрываемой досадой: «В Италии тридцать лет правления Борджиа были напоены войной, террором, убийством, кровопролитием – но они произвели на свет Микеланджело, Леонардо да Винчи, ознаменовали собой начало эпохи Возрождения. В Швейцарии в течение пятисот лет царила братская любовь, демократия и мир – и что швейцарцы смогли придумать за это время? Часы с кукушкой».

Мистер Сароцини снова остановил фильм и спросил, понял ли Кунц. Кунц, который никогда не смел лгать мистеру Сароцини, ответил, что нет, не понял. Мистер Сароцини сказал, что однажды он это поймет.

Упал занавес, и зал взорвался аплодисментами. Люди вскочили со своих мест, и Кунц встал вместе с ними, хлопал вместе с ними, кричал «бис!». Ему казалось, что он Джозеф Коттон, застрявший высоко над городом в кабинке колеса обозрения, и что Орсон Уэллс обращается к нему.

Внизу и вокруг него публика скандировала: «Еще! Еще! Еще!»

И он присоединился к их зову, и он плакал от радости. Слезы текли по его щекам. Он плакал оттого, что прикоснулся к истинной красоте. Музыка разбудила в нем лучшие человеческие чувства, которые доселе дремали. И еще он плакал от осознания того, какую великую тайну он носит в своем сердце. Он всей душой желал поделиться ею со всеми этими людьми, сметенными, как и он сам, музыкой, выбежать на сцену, жестом унять гул и выкрикнуть: «Оно грядет! Оно уже рядом!»

Но мистер Сароцини никогда бы ему этого не простил, поэтому он просто смотрел на них, впитывая восторг, излучаемый их лицами, слушал аплодисменты и гул, наслаждаясь ощущением чистого, незамутненного счастья. Мало кто обратил внимание на него, одиноко стоящего в своей ложе, и никто из них не понял истинной природы отражавшегося на его лице воодушевления.

Потому что никто не знал о белом конверте, лежащем у него в кармане, – том, в котором был послан билет в эту ложу. Никто не знал, что получить такой конверт – это честь, равной которой не существует на земле.

Через несколько минут Кунц уже пробирался сквозь толпу, уплотнявшуюся по мере приближения к выходу. Те, кто замечал его, видели высокого мужчину с фигурой игрока в американский футбол и, может быть, угадывали его иностранное происхождение. Они не слышали того, как – до сих пор – играла музыка Моцарта в его голове. Им не было известно о белом конверте у него в кармане. Они не догадывались о его мыслях, не могли проникнуть в его знание, не имели понятия о тайне, которую он носил в сердце.

Они должны благодарить Бога за свое неведение.

Так думал Кунц, стоя перед входом в театр и ожидая, когда его подберет черный «мерседес» мистера Сароцини.

19

Ветер трепал волосы Джона, брызги оседали на его солнцезащитных очках. Нос катера Арчи резал голубое стекло Солента⁸, направляясь к стене «Королевской яхтенной эскадры»⁹ и входу в гавань Кауса. Два двигателя катера издавали ровное мощное рычание. Время от времени под днищем катера слышался глухой удар – это он пересекал волну, поднятую винтом какого-нибудь судна.

На этот раз Арчи был мистером Тоудом в море. Он сидел за штурвалом, установленным в самой верхней точке открытой кабины, в цветастой рубашке с коротким рукавом, в маленьких овальных солнцезащитных очках, и гордо обозревал ряды окружающих его приборов, которых, наверное, было бы достаточно для того, чтобы провести флот космических кораблей с одного конца Вселенной до другого.

Позади них, на шикарнейшей, застеленной белыми матами открытой палубе топлес загорали Сьюзен и роскошная брюнетка – испанская модель по имени Пайла, последняя подружка Арчи.

Арчи погрузил пальцы в свой джин с тоником, выудил оттуда кубик льда и бросил его в Пайлу. Он приземлился прямо ей на пупок. Она мигом вскочила. «Арчи, ты сволочь!» Она кинула кубик обратно в Арчи, но промахнулась. Джон увернулся от летящего кубика, и тот ударился в ветровое стекло. Джон не знал, спит Сьюзен или нет: ее глаз не было видно за темными очками. Он улыбнулся, когда Пайла, извиняясь, помахала ему рукой, затем отвернулся и продолжил рассматривать панораму, включающую морской пейзаж и сияние жаркого июньского дня.

Всюду, куда ни кинь взгляд, были лодки, в основном парусные, некоторые из них одиночные, другие – в группах, и все были неподвижны, с безжизненно висящими парусами, ожидающими, чтобы их наполнил хотя бы самый легкий бриз.

Форт проплыл мимо. Джон дышал морским воздухом со вкусом соли, морских водорослей, озона и не мог выбросить из головы мысль о том, что завтра понедельник, а мистер Сароцини так и не позвонил.

– Так ты думаешь, – вдруг сказал Арчи, – что этот твой швейцарец, Сароцини, тебя кидает?

– Да. Я был уверен, что он позвонит еще на прошлой неделе, – кивнул Джон.

– Я проверил для тебя его банк, – сказал Арчи.

– Вот как? – Джон был удивлен.

– Да. «Ферн», верно? «Ф-е-р-н»? – Арчи произнес по буквам.

– Да. И что ты нашел?

– Гусиные яйца.

– Гусиные яйца?

– Нули. Но это может ничего не значить. Под этим названием он может фигурировать на рынке, а зарегистрирован может быть совсем под другим.

Катер пробился сквозь большую волну, поднятую паромом, и взлетевшие в воздух капли забрызгали очки Джона. Он снял их и вытер о пропитанную солью рубаху – впрочем, без особого успеха.

– Из моих клиентов половина банков существует только на бумаге, – продолжил Арчи. – Пытаешься отследить их и натыкаешься на фиктивный совет директоров в Лихтенштейне, нанятых фиктивным советом директоров в Панаме, работающих на филиал чего-нибудь, зарегистрированного на Каймановых островах. Классическая мафиозная схема отмывания денег.

⁸ *Солент* – пролив между южным побережьем Англии и островом Уайт.

⁹ Речь идет о знаменитом британском яхт-клубе.

Джон нахмурился:

– Думаешь, он может работать на мафию?

– А ты? – Арчи выщелкнул из пачки сигарету. Потянувшись за зажигалкой, он сделал неловкое движение, и катер рыскнул в сторону. У Джона выплеснулся из стакана его джин с тоником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.